

ПРАВОСЛАВНЫЙ БЛАГОВѢСТНИКЪ.

Шѣдше научите всѣ ѡзыки, крѣщаще
ихъ во имя Оца и Сна и Свѣтаго Дѣха.
Матѣ. XXVIII, 19.

ИЗДАНИЕ

ПРАВОСЛАВНАГО МИССИОНЕРСКАГО ОБЩЕСТВА, состоящаго подѣ августѣйшимъ
покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни
Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

1904.

Годъ двѣнадцатый.

ТОМЪ I.

№ 1.

Я Н В А Р Ъ.

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. П. СНЕГИРЕВОЙ
ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКІЙ ПЕР., СОВ. Д.

1904

0 Киргизахъ Тургайской области.

(Изъ воспоминаній учителя Киргизской школы).

1) Волостная русско-киргизская школа.

Въ началѣ октября 189* года, послѣ длиннаго и въ высшей степени интереснаго для меня путешествія, подѣзжалъ я къ N волостной школѣ, завѣдывать которою я былъ опредѣленъ прямо со школьной скамьи.

Среди необозримой степной равнины, желтой отъ выгорѣвшей за лѣто травы, по берегамъ пересохшей степной рѣчки безпорядочно, длинной лентой, раскинулся большой киргизскій аулъ, киргизская зимовка. Невзрачныя, низенькія землянки скорѣе походили на кучи грязи, чѣмъ на жилище людское и только дымокъ надъ ними показывалъ, что эти кучи обитаемы.

Вблизи аула возвышались бѣлыя каменные зданія моей школы, а около нихъ большая мечеть съ высокой башней-минаретомъ.

Встревоженные колокольцами, толпою выбѣжали изъ школы нѣсколько смуглыхъ киргизятъ, моихъ будущихъ учениковъ и съ недоумѣніемъ и любопытствомъ глазѣли на пріѣхавшаго молодого „тюре“ — господина.

Вслѣдъ за ними показался молодой киргизъ въ форменной учительской фуражкѣ и длинномъ неуклюжемъ халатѣ. „Кто вы будете?“ вѣжливо обратился онъ ко мнѣ, — ужъ не новый ли нашъ завѣдывающій, котораго мы такъ давно ждемъ?“ Я назвалъ себя, а киргизъ отрекомендовался учителемъ Д.....т., моимъ помощникомъ и ввелъ меня въ мои новыя владѣнія.

Школа оказалась весьма благоустроенной, но сильно запущенной, такъ какъ, во время продолжительной болѣзни моего предмѣстника, долго оставалась подъ управленіемъ встрѣтившаго меня субъекта, оказавшагося, въ послѣдствіи, большимъ невѣждой и препорядочнымъ плутомъ, любящимъ только попить, поѣсть, пошляться по гостямъ, повеличаться своимъ учительскимъ званіемъ и похвастаться мнимыми своими познаніями.

Школа состояла изъ большого каменнаго корпуса, заключающаго въ себѣ помѣщеніе для классовъ, ученическую спальную и мою квартиру. Корпусъ этотъ соединялся теплымъ корридоромъ съ каменнымъ флигелемъ, въ которомъ помѣщалась кухня, ученическая столовая и квартира моего помощника. На огромномъ дворѣ, обнесенномъ каменною стѣною, находилась просторная баня и большой, заброшенный флигель, впослѣдствіи отремонтированный мною для помѣщенія въ немъ ученической спальни. Кромѣ этихъ зданій, на дворѣ имѣлись еще деревянные постройки для конюшни, амбара и погреба.

Какъ школьныя зданія, такъ и сосѣдка ихъ богатая мечеть, похожая съ перваго взгляда скорѣе на церковь, были выстроены, какъ передавали мнѣ, лѣтъ 30 тому назадъ однимъ знатнымъ и богатымъ киргизомъ, имя котораго и теперь носятъ мечеть.

Зданія, занимаемыя нынѣ школою, предназначались первоначально строителями для мухаммеданской медресе (школы) и, дѣйствительно, въ нихъ первое время обитало до 200 шакирдовъ (учениковъ) и цѣлый десятокъ муллъ-учителей. Но потомъ, когда степная администрація ввела въ медресе русскій классъ, фанатики муллы сочли свое святилище оскверненнымъ русскимъ духомъ и шакирды, вслѣдъ за своими учителями, мало по малу разбрелись. Освободившіяся такимъ мирнымъ образомъ отъ фанатиковъ ислама зданія, были скорѣ уступлены киргизами, какъ соеершенно имъ непужныя, Министерству Народнаго Просвѣщенія и дали пріютъ для русско-киргизской школы, которая въ нихъ прочно основалась и сдѣлалась первымъ разсадникомъ русскаго просвѣщенія въ полудикой степи.

Изъ дѣлъ школьныхъ я узналъ, что въ ней, при одномъ завѣлывающемъ, его помощникѣ и мухаммеданскомъ вѣроучи-

телѣ, имѣется интернатъ на 25 учениковъ и на содержаніе школы, вмѣстѣ съ жалованіемъ учителямъ, ежегодно отпускается по 1750 рублей. Д.....ъ скоро посвятилъ меня во всю, дотолѣ невѣдомую мнѣ, канцелярщину, ознакомилъ со всѣмъ, довольно сложнымъ, школьнымъ дѣлопроизводствомъ, съ разными входящими и исходящими, рапортами и отношеніями, авансами и транспортами и т. п. премудростію и при этомъ негодовалъ, что уѣздный начальникъ не внемлетъ неоднократнымъ его, Д.....а, требованіямъ и давнымъ давно прекратилъ высылку денегъ на содержаніе школы. И дѣйствительно, деньги изъ уѣзднаго управленія, ввиду несоблюденія Д.....ъ нѣкоторыхъ мелкихъ формальностей въ требованіяхъ, давно уже не высылались, почему запасы провизіи давно уже истощились и голодные ученики изъ школы разбѣгались; остались только нѣкоторые изъ дальнихъ ауловъ, да и тѣ имѣли только ночлегъ въ школѣ, днемъ же шлялись по аулу и питались Богъ вѣсть чѣмъ.

2) Поѣздка къ волостному управителю.

Просидѣвъ всю ночь за писаніемъ разныхъ рапортовъ и требованій, на утро, по совѣту Д.....а и въ его сопровожденіи, я принужденъ былъ отправиться верстъ за 50 къ богатому волостному управителю, чтобы сдѣлать, если удастся, заемъ на содержаніе школы, такъ какъ изъ уѣзднаго управленія ранѣе двухъ недѣль аванса нельзя было ожидать. Ъхать пришлось верхомъ, такъ какъ во всемъ аулѣ не нашлось тарантаса, а имѣлись одни только тяжелыя воловьы арбы (телѣги). Съ трудомъ и не безъ посторонней помощи вскарабкался я на широкое киргизское сѣдло, ибо до сего времени не имѣлъ даже случая и видѣть сѣдло, а не только ѣздить въ немъ. Небольшіе киргизскія лошадки бойко потрусили подъ нами по узенькой колеистой дорожкѣ. Отъ непривычки къ верховой ѣздѣ, меня скоро страшно растрясло и разломило и я съ трудомъ держался на лошади. Къ тому же и бессонныя ночи, проведенныя предъ этимъ въ длинной дорогѣ, давали себя чувствовать и я не знаю, какъ мы добрались до ставки (хутора) управителя.

Д....ъ всю дорогу описывалъ мнѣ свои великія достоинства, выказывалъ глубокія свои „познанія“ въ русской грамматикѣ и хвалился своимъ знаніемъ педагогики и дидактики и своимъ умѣньемъ вести занятія съ учениками.

При проѣздахъ же мимо ауловъ, особенно когда виднѣлись на плоскихъ крышахъ землянокъ киргизскія смуглолицыя красавицы, онъ затягивалъ дикимъ, противнымъ голосомъ одну изъ многочисленныхъ степныхъ пѣсенокъ о чернобровой и черноглазой красавицѣ, краше которой вѣтъ ни въ Тургаѣ, ни въ Оренбургѣ, ни въ Ташкентѣ, ни въ Самаркандѣ. Пѣніе каждаго куплета начиналось хриплымъ и безконечнымъ „о...о...й“, самыя же слова куплета произносились наскоро, рѣчитативомъ. Заслышавъ это артистическое пѣніе, не въ мѣру любознательные, неуклюжіе верблюды лѣнливо поднимали свои, проткнутыя деревяннымъ колышкомъ ¹⁾, овечьи морды, переставали жевать и съ любопытствомъ осматривали насъ и провожали взглядами до тѣхъ поръ, пока мы не скрывались вдаль.

Ставка богатаго управителя была расположена вблизи огромнаго аула. Большой, деревянный, крытый желѣзомъ домъ богача былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ длинными скирдами сѣна, ворохами кизяка, т. е. измятаго и спрессованнаго навоза, служащаго единственнымъ топливомъ въ степи, цѣлымъ десяткомъ деревянныхъ хлѣбныхъ амбаровъ и нѣсколькими скверными, полуразвалившимися землянками, въ которыхъ помѣщались работники, кухня и волостная канцелярія, съ горькими пьяницами, безсовѣстными (но по нуждѣ) взяточниками, отовсюду прогнанными за свое сомнительное поведеніе писарями. Вокругъ этихъ построекъ бродили табуны богача: тысячи лошадей и сотни воловъ и верблюдовъ. Несмѣтная же стада овецъ, какъ переда-

1) За одинъ конецъ такого колышка привязывается волосяная веревка, служащая поводомъ для управленія верблюдомъ. Самый упрямый наръ (верблюдъ-самецъ) смиряется, когда жестокой его хозяинъ безжалостно дергаетъ за поводъ и бередитъ никогда не заживающую рану. Жалобно и покорно реветъ громадный звѣрь и сапя и хрипя отхаркиваетъ сочащуюся изъ ранки кровь. Всякая непокорность, при ужасной боли, забывается и онъ безропотно несетъ потомъ, часто не посильную, свою ношу до далекаго привала, гдѣ, знаетъ, что лѣнливый хозяинъ не позаботится ни покормить, ни напоить его.

вали, еще не были пригнаты изъ степи, такъ какъ, за отсутствіемъ морозовъ и снѣга, еще не пришло время ихъ бойни. Весь обширный дворъ былъ заваленъ ничѣмъ неприкрытыми и потому ржавыми, сѣнокосилками, граблями, плугами, вѣялками и бородами, присланными попечительными властями для ознакомленія кочевниковъ съ усовершенствованными сельско-хозяйственными орудіями.

Толстый, обрюзглый управитель, съ заплывшими мутными глазами, съ всклокоченной бородой и давно нестриженной головой, облеченный въ длинную бѣлую рубаху, въ широчайшіе, полосатые штаны и въ прегрязнѣйшій засаленный ватный бухарскій халатъ, возсѣдалъ, съ ханскою важностью, среди массы подушекъ на широкой орѣховой кровати. Въ большой свѣтлой комнатѣ, кромѣ упомянутой кровати, не было болѣе никакой мебели и только въ простѣнкахъ стояли два громадныхъ, отъ пола до потолка, зеркала. Весь полъ былъ застланъ богатыми коврами, на которыхъ, въ смиренныхъ позахъ, возсѣдали, поджавъ подъ себя ноги, нѣсколько аксакаловъ, т. е. бѣлобородыхъ стариковъ — киргизъ. Д..... съ важностью и съ смѣшною церемоніей представилъ меня степному полубогу и тотъ на нѣкоторое время оживился. Аксакалы тоже приподнялись и ласково привѣтствовали меня, пожимая мою руку между своими ладонями.

„Милости просимъ, милости просимъ въ наши края!“ — чистѣйшимъ русскимъ языкомъ проговорилъ управитель. Оказывается, онъ нѣкогда гдѣ-то учился, но такъ и не доучился и затѣмъ долгое время служилъ при какомъ-то управленіи переводчикомъ.

Пригласивъ меня присѣсть къ нему на кровать, управитель началъ спрашивать меня, гдѣ я учился, какого происхожденія и проч. и весьма обрадовался, что я не изъ крещеныхъ татаръ. — „Напрасно ихъ къ намъ присылаютъ“, говорилъ онъ: „киргизы ихъ не любятъ и нисколько не довѣряютъ имъ, какъ измѣнникамъ вѣры и обыкновенно съ большой неохотой и только по принужденію отдають дѣтей къ нимъ въ школы“.

Узнавъ о затруднительномъ положеніи школы, управитель весьма охотно далъ мнѣ заимообразно 100 руб., общался и

впередъ не отказывать въ содѣйствіи школѣ. Во время нашей бесѣды въ комнату вошла молодая и довольно миловидная киргизка, дочь управителя, одѣтая въ длинную ситцевую, довольно грязную, рубаху и коротенькій шелковый бешметъ. Управитель приказалъ ей подать чай и вскорѣ предо мной явился вѣнскій стулъ и небольшой круглый столикъ, покрытый залитою скатертью, бутылка коньяку и нѣсколько яицъ въ смятку. Оказывается, для пріема русскихъ гостей управитель имѣлъ достаточное количество вполне приличной мебели, которая по отѣздѣ гостей убиралась въ чуланъ, дабы не загромождать комнаты.

Былъ принесенъ огромный, никогда нечищенный самоваръ, большой подносъ съ небольшими фарфоровыми чашечками и однимъ стаканомъ для меня. Всѣ присутствующіе усердно занялись чаепитіемъ. Чай разливала, сидя на корточкахъ, хозяйская дочь. Самъ же хозяинъ, утомленный ауденціей, вздумалъ вздремнуть, при чемъ предварительно справился, нѣтъ ли у меня покурить; чтобы не прослыть трубокуромъ, онъ вѣкъ свой пробивался чужимъ табакомъ. Управитель весьма удивился, что я не курю и со вздохомъ замѣтилъ, что при всемъ своемъ желаніи, онъ не можетъ отстать отъ курева и при этомъ угостилъ свой носъ огромной щепотью нюхательнаго табаку, изъ предупредительно поданной ему услужливымъ аксакаломъ бутылочки. Примѣру хозяина послѣдовали и гости, такъ что бутылочка съ табачнымъ зельемъ обошла кругомъ. Оказывается, всѣ киргизы большіе любители нюхать и „носовой“, какъ они величаютъ нюхательный табакъ, имѣется почти у каждого совершеннолѣтняго киргиза. Курящихъ же между ними весьма мало, потому что курево преслѣдуется стариками и любители куренья, обыкновенно молодежь, имѣющая частыя сношенія съ русскими, курятъ всегда тайкомъ, боясь подпасть осужденію и обвиненію въ руссизмѣ.

И. Х.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРАВОСЛАВНЫЙ БЛАГОВѢСТНИКЪ.

Шѣдше научите всѣ языки, крѣщаще
ихъ во имя Оца и Сѣна и Сѣаго Дѣа.
Матѣ. XXVIII, 19.

ИЗДАНИЕ

ПРАВОСЛАВНАГО МИССИОНЕРСКАГО ОБЩЕСТВА, СОСТОЯЩАГО ПОДЪ АВГУСТѢЙШИМЪ
ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ
ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ОЕОДОРОВНЫ.

1904.

Годъ двѣнадцатый.

ТОМЪ I.

№ 2.

Я Н В А Р Ъ.

КНИЖКА ВТОРАЯ.

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. И. СЕГИРЕВОЙ
ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКІЙ ПЕР., СОБ. Д.

1904

оглашенною женою.. Покричавъ сначала, мало по-малу мать успокоилась, стала говорить ласково съ дочерью, уговаривала ее отказаться отъ своего намѣренія, приблизиться къ ней; но дочь боялась подойти къ ней, просила окружавшихъ ее дѣвочекъ передать матери нитокъ напряденныхъ ею; наконецъ мать, видя, что дочь ея не соглашается идти съ нею, отправилась обратно въ лѣса къ татарамъ.

Софія Вальмонъ.

О Киргизахъ Тургайской области¹⁾.

(Изъ воспоминаній учителя Киргизской школы).

3. Нѣсколько словъ о степныхъ управителяхъ, или о томъ, что всѣ знаютъ, но рѣдно говорить.

Нѣкоторые изъ присутствующихъ въ комматѣ аксакаловъ были аульные старшины, другіе же—народные бѣи, т. е. судьи. Какъ подчиненные управителя, они пріѣхали къ нему по дѣламъ службы, а вѣрнѣе отъ нечего дѣлать, такъ какъ вся служба ихъ заключается въ приемахъ и угощеніи проѣзжающаго начальства, въ работѣпствѣ передъ нимъ и главное—въ обираниі своихъ сородичей.

Какъ волостной управитель, такъ и аульные старшины и народные бѣи выбираются народными представителями изъ почетныхъ кандидатовъ и въ должностяхъ этихъ утверждаются, по представленію уѣзднаго начальника, высшимъ начальствомъ—областнымъ правленіемъ.

Всѣ киргизы весьма честолюбивы и главнѣйшая мечта состоятельныхъ лицъ—это быть управителемъ волости, или хотя бы аульнымъ старшиной, или народнымъ бѣемъ. Бѣдные же довольствуются и съ важностію носятъ съ званіемъ пятидесятника, или же смотрителя общественныхъ сѣяныхъ записсовъ. Поэтому кандидатовъ на каждую должность является множество

¹⁾ Продолженіе. См. „Правосл. Благов.“ № 1, стр. 35—40.

и предъ выборами идетъ между ними страшная борьба. У каждаго своя партія, составленная изъ близкихъ и дальнихъ родственниковъ, а главное однородцевъ.

Киргизы съ древнихъ временъ дѣлятся на роды, роды на подроды, на отдѣленія и т. д. и представители одного рода живутъ всегда въ величайшемъ согласіи между собою и въ случаѣ нужды безкорыстно помогаютъ другъ другу. Такъ на судѣ, для оправданія однородца, не считается за грѣхъ лжесвидѣтельство и, въ случаѣ присужденія штрафа или куна, т. е. присужденнаго бѣгами на основаніи степныхъ обычаевъ вознагражденія потерпѣвшему, всѣ сородичи осужденнаго участвуютъ въ этомъ платежѣ. Поэтому-то предъ выборами часто пускаются въ ходъ самыя низкія интриги, ложные доносы и обвиненія, поддерживаемыя многочисленными лжесвидѣтелями. Кандидаты не скупятся на кормежку своихъ клеветовъ, ежедневно колютъ десятки барановъ, лошадей и верблюдовъ; чай и кумысъ льются рѣкой. Во время выборовъ дѣло доходить иной разъ чуть ли не до побоища и только присутствіе русскихъ властей, уѣзднаго начальника, или его помощника со свитой сдерживаетъ строптивыхъ.

Благодаря такой системѣ выборовъ, въ управители волости попадаетъ обыкновенно не достойнѣйшій изъ киргизъ, а только богатѣйшій, такъ какъ избраніе это со всѣми кормежками и замасливаніями обходится въ нѣсколько тысячъ. Въ аульные старшины попадаютъ и съ нѣсколькими сотнями рублей, а въ бѣи и того меньше. Конечно, трудно допустить, что только одно честолюбіе заставляеть стремящихся къ власти дѣлать такіе огромные, и для неудачниковъ совершенно бесполезные расходы. Нетрудно догадаться, что, во время службы въ должностяхъ, господа волостные и аульные начальники съ лихою возвращаютъ въ свои карманы потраченное на выборы. И не жалованіе, конечно, восполняетъ эти расходы, такъ какъ жалованье это не особенно значительно. Восполняютъ эти полутайные выборные расходы многочисленные темные служебные доходы, восполняетъ ихъ безсовѣстно собираемая, какъ бы отданная управителямъ въ аренду, кибиточная подать, и главное — наглое, никѣмъ не сдерживаемое ростовщичество.

Всѣ киргизы обложены такъ называемымъ кибиточнымъ сборомъ, распредѣляемымъ по имущественному положенію каждаго кибитковладѣльца, преимущественно же по количеству скота. Съ бѣдныхъ приходится рубля по три, а съ богатыхъ, конечно, во много разъ больше. Но собирается эта раскладка, какъ мнѣ передавали, чуть ли не вдвойнѣ, если не въ тройнѣ и дѣлается это приблизительно такъ: управитель, обыкновенно человѣкъ богатый, вноситъ за свою волость все заразъ изъ своихъ капиталовъ и нерѣдко за такой „успѣшный“ сборъ подати получаетъ благодарность начальства. Аульные старшины въ свою очередь вносятъ управителю часть приходящейся съ ихъ ауловъ подати тоже изъ своихъ средствъ и затѣмъ уже собираютъ подать съ своихъ одноаульцевъ цѣлый годъ. При этомъ за положеданье, за не взносъ въ срокъ, сборщики получаютъ съ неисправныхъ плательщиковъ малую толику и этими излишками по братски дѣлятся съ своимъ покровителемъ. Изъ сказаннаго видно, что кибиточный сборъ какъ бы находится на откупѣ у управителя и контролировать правильность этого сбора довольно трудно. Кромѣ всего этого, ввиду неимѣнія киргизами денегъ, управитель служитъ и главнымъ банкиромъ своей волости. Чрезъ его вѣрныхъ агентовъ аульныхъ старшинъ, всѣ нуждающіеся получаютъ отъ благодѣтеля и деньги для уплаты кибиточнаго сбора и мясо и просо и даже лошадей и за эту услугу, за эту выручку въ трудную минуту, берется ни много ни мало, не рѣдко процентовъ триста, такъ что, разъ допавшій въ когти благодѣтеля, становится его вѣчнымъ неоплатнымъ должникомъ, его рабомъ. Поэтому-то нѣкоторые управители дѣлаются какъ бы пожизненными и даже потомственными управителями, ухитряются со славою прослужить нѣсколько трехлѣтій, нахватать медалей за усердіе, удесятерить свое состояніе и въ концѣ концовъ передать доходную должность своему сыну, нерѣдко какому-нибудь развратному неучу выгнанному за малоуспѣшность изъ первыхъ классовъ гимназіи. Не лучше управителей и бии, т. е. народные судьи. Къ нимъ слабымъ и бѣднымъ лучше и не ходить, такъ какъ правосудіе въ степи основано часто на однихъ взяткахъ. Кромѣ законнаго „бійлыка“, т. е. извѣстнаго

процента съ каждаго дѣла, кто больше біямъ дастъ, тотъ и правъ, такъ какъ искомую въ судѣ правду всегда можно поворотить въ любую сторону многочисленными лжесвидѣтелями.

Нѣкоторые управители, и многіе аульные старшины кромѣ ростовщичества занимаются еще и другимъ благороднымъ промысломъ, именно укрывательствомъ воровъ, а иногда даже и самымъ воровствомъ, преимущественно конокрадствомъ. Рѣдкій табунъ старшины не имѣетъ краденыхъ лошадей и трудно хозяину пропавшей лошади выручить ее оттуда.

И вотъ такіе-то люди забрали всю власть въ степи и никто не называетъ ихъ заслуженными ими названіями. Напротивъ, всѣ они самые почетные, самые уважаемые въ степи люди. Они и благодѣтели народные и вѣрные помощники администраціи, и гостепріимцы... Цѣлый день, круглые сутки у нихъ просители, и всѣхъ то они кормятъ, всѣхъ угощаютъ. У нѣкоторыхъ изъ этихъ отцовъ народа на такое угощеніе ежедневно уходятъ пуда по два мяса, котлы айрана, т. е. кислаго молока; а чай въ ихъ кибиткахъ и землянкахъ пьетъ всякій, сколько кому хочется, и притомъ даже и съ сахаромъ, весьма рѣдкимъ у киргизъ. Эти-то кормежки, эти угощенія привлекаютъ къ благодѣтелямъ всѣ сердца и никто изъ ободранныхъ ими овечекъ, изъ общипанныхъ полусонныхъ курицъ не посмѣетъ, да и не догадается раскрыть всѣ продѣлки этихъ жадныхъ степныхъ пауковъ.

Такъ какъ за обираніемъ своихъ подданныхъ управителю не до управленія ими, то всѣ дѣла по волости возлагаются имъ на писарей, не рѣдко довольно подозрительныхъ личностей и часто весьма вредныхъ и заразительныхъ для неокрѣпшей еще степи микробовъ. Всѣ управители весьма скупы на жалованье своимъ служащимъ, а за какіе нибудь 7—10 руб. въ мѣсяцъ нельзя найти порядочныхъ людей, готовыхъ обречь себя всѣмъ невздамъ кочевой жизни. Ктому же порядочный человѣкъ не былъ бы и терпимъ управителемъ, такъ какъ былъ бы ему постояннымъ живымъ укоромъ въ его безчестныхъ поступкахъ, былъ бы ему, какъ говорится, бѣльмомъ на глазу.

И вотъ, благодаря такимъ мудрымъ своимъ соправителямъ, управитель избавленъ отъ бремени правленія и всѣ его обязан-

ности по должности сводятся только къ приему и угощенію случайно проѣзжающаго начальства и при томъ начальства только большого, такъ какъ маленькаго начальства забравшій силу степной набобъ не боится и мало обращаетъ на него вниманія.

Предъ пріѣздомъ большого начальства, каковой никогда не бываетъ внезапнымъ, благодаря степному безпроводочному телеграфу „хабаръ“, т. е. необыкновенной страсти киргизъ къ новостямъ, расходящимся поэтому по всей степи съ изумительною быстротою, управитель на время встряхивается, скидаетъ съ себя свой халатъ, облачается въ фантастическій костюмъ заурядъ хорунжаго, убираетъ свой тронъ-кровать, замѣняетъ ее ненавистною европейскою мебелью, протрезвляетъ писарей, закупаетъ винъ и закусокъ и въ этомъ полномъ всеоружіи безстрашно, съ полнымъ сознаніемъ своего могущества, своей администраторской мудрости, встрѣчаетъ самое грозное, самое справедливое, честное и неподкупное начальство. Начальству по вкусу приходится управительское гостепріимство: оно загашивается. Затѣвается охота, устраивается „туй“, т. е. пиръ съ „байгой“, т. е. скачкой и умиленное начальство, прогостивъ нерѣдко цѣлую недѣлю, но ничего не увидавъ, ничего не разузнавъ, уѣзжаетъ во свояси и потомъ рассказываетъ о гостепріимствѣ, добросердечіи, кротости, наивности, простотѣ и проч. прекрасныхъ качествахъ простодушныхъ сыновъ степей, о патриархальномъ образѣ жизни этихъ полудикихъ степныхъ кочевниковъ-номадовъ.

Но довольно объ этомъ. Къ вечеру, когда наши лошади порядкомъ отдохнули и выкормились, мы съ Д.....ъ уже выѣзжали отъ гостепріимнаго управителя, хотя онъ и приглашалъ насъ остаться, чтобы составить партійку въ преферансъ. Намъ необходимо было торопиться, ибо на утро въ ближайшемъ къ школѣ казачьемъ поселкѣ былъ базаръ, на который непременно нужно было попасть, дабы посходнѣе закупить провизію для школы.

Предшествующія безсонныя ночи давали себя знать и я, когда лошади нѣсколько умѣряли свой бѣгъ, невольно, какъ говорится, клевалъ носомъ и нѣсколько разъ едва не вывали-

вался изъ сѣдла, почему и не могъ любоваться прекрасной лунной степной осенней ночью. Залитая блѣднымъ сіяніемъ полнаго мѣсяца, степь казалась безпредѣльною, необъятною. Всюду царящая тишина, нарушаемая лишь стукомъ копытъ и фырканьемъ нашихъ лошадей, придавала этому безграничному простору какую-то пугающую таинственность, почему невольно приходилось вздрагивать при внезапномъ грустномъ перекликѣ загостившихся въ степи гусей и журавлей, которые повидимому неохотно разставались съ своей дорогой кормилицей, привольною степью.

4. Поѣздка на базаръ. Степной базаръ.

Въ школу мы пріѣхали около полуночи. Я былъ страшно утомленъ; отъ непривычки къ верховой ѣздѣ я былъ совершенно разбитъ и у меня сильно пыла поясница. Отъ бессонныхъ ночей слипались глаза; но долго отдыхать не приходилось, нужно было спѣшать на базаръ. Чѣмъ свѣтъ, на свѣжихъ лошадяхъ, которыхъ по моему приказу къ нашему пріѣзду приготовилъ вѣроучитель Галимжанъ, мы съ Д.....ъ отправились въ О..., большой казачій поселокъ, верстахъ въ 20 отъ школы. По дорогѣ то и дѣло попадались киргизскія зимовки и насъ весьма недружелюбно встрѣчали и съ ужаснымъ лаемъ провожали вѣрные ихъ охранители огромные лохматые псы, въ сравненіи съ которыми русскія дворняжки не больше, какъ щенки. Вскорѣ мы догнали толпу конныхъ киргизъ, которые, какъ и мы, ѣхали на базаръ. „Ассаляум галійкум“, громко привѣтствовалъ ихъ мой спутникъ. „Гаалійкум саалаям“, отвѣчали они и съ любопытствомъ разсматривали меня. „Эго учитель“, сказалъ имъ Д.....ъ и они наперерывъ стали здороваться со мною. „Аманъ ба“ — здоровъ ли? „Аманъ сынъ“ — „здоровы ли“? слышалось со всѣхъ сторонъ и киргизы дружелюбно жали мою руку, привѣтливо улыбались и тараторили что-то по своему, должно быть для меня легкое. Затѣмъ наши случайные спутники внимательно и съ большимъ любопытствомъ стали подробно спрашивать меня,

откуда я, есть ли у меня отецъ, братья, жена; велика ли Казань, въ которой я учился, красивъ ли этотъ городъ, есть ли въ немъ иноходцы и рысаки, много ли мечетей и т. д. и т. д. Вообще киргизы страшно любопытны и, какъ потомъ я узналъ, не пропустить ни коннаго, ни пѣшаго, чтобы не разспросить его обо всемъ. Лѣтомъ ли, зимою ли, въ дождь ли, въ бурань ли, киргизъ не полѣнится догнать проѣзжаго и проѣдетъ съ нимъ версты двѣ-три, если только проѣзжій не будетъ скупъ на разговоры. Бывало ѣдешь по степи, смотришь, вдали скачетъ номадъ, кричитъ, машетъ малахаемъ, проситъ подождать. Думаешь,—дѣло есть,—подождешь; оказывается—такъ себѣ, поговорить. „Аманъ ба, кайданъ киясынъ“, т. е. здоровъ ли, куда ѣздилъ и т. д. сыплеть онъ и долго ѣдетъ за тобой разспрашивая о всякой мелочи и только когда вполнѣ удовлетворитъ своему любопытству, скажетъ „кошъ, сау булъ“, то есть — прощай, будь здоровъ, поворотитъ коня и ускачетъ назадъ какъ бы исполнивъ важное дѣло. Даже лошади киргизскія привыкли къ обычаю своихъ хозяевъ и безъ всякаго „тпру“ останавливаются съ каждымъ встрѣчнымъ всадникомъ. Разговаривай вволю, кони не двинутся, они тоже должно быть заняты между собою интереснымъ, хотя и безмолвнымъ, разговоромъ о степныхъ новостяхъ. Въ теченіи пяти лѣтъ моей службы въ степи, мнѣ такъ и не удалось, при всемъ моемъ стараніи, отучить свою лошадь отъ этой странной привычки. Бывало увидишь ѣдущаго на встрѣчу,пустишь лошадь во всю, въ надеждѣ, что она забудетъ остановиться, но не тутъ-то было: лишь только сравняется она со встрѣчной, какъ вдругъ останавливается и стоитъ какъ вкопанная у морды, въ свою очередь тоже остановившейся, встрѣчной лошади, въ полной увѣренности, что хозяинъ ея будетъ разговаривать. Благодаря этой страсти къ новостямъ, „хабаръ“ т. е. слухъ или новость расходится по степи съ изумительною быстротою и вполнѣ замѣняетъ кочевникамъ и почту и телеграфъ и всѣ газеты. Страсть эта появилась должно быть еще въ тѣ отдаленныя времена, когда безпредѣльная степь была еще бѣднѣе населеніемъ, чѣмъ теперь, и когда не могла она похвалиться дорогами, когда киргизы не знали еще землянокъ,

а вѣчно перекочевывали съ мѣста на мѣсто. Тогда, конечно, труднѣе и несравненно рѣже приходилось кочевникамъ встрѣчаться, почему, понятно, съ какимъ большимъ нетерпѣніемъ ждали они и ловили всякій случай встрѣтиться съ новымъ человекомъ и наговориться съ нимъ досыта обо всемъ, обо всѣхъ слухахъ, обо всѣхъ степныхъ новостяхъ.

Удовлетворяя любопытству своихъ спутниковъ и въ свою очередь разспрашивая ихъ, я и не замѣтилъ, какъ подъѣхали мы къ Уралу, — „Жяикъ“ по киргизски. Гслую степь смѣнилъ мелкій тальникъ, опушавшій излучистыя берега быстрой красивой рѣки. Охотно вошли привычныя лошади въ холодную, какъ ледъ, воду и смѣло пошли къ другому берегу. Вода съ шумомъ билась о ноги лошадей и благодаря ея необыкновенной чистотѣ и прозрачности давала возможность видѣть, какъ быстрымъ теченіемъ катятся по дну сдвинутые копытами мелкіе камни, гальки по мѣстному выговору. Отъ непривычки къ такой переправѣ, отъ шума kloкочущей у ногъ лошадей воды, у меня кружилась голова и, когда, въ глубинѣ, задъ лошадей сталъ заливаться водой, я едва усидѣлъ въ сѣдлѣ.

Принявъ холодную ванну, лошади побѣжали гораздо рѣзвѣе и скоро мы подъѣхали къ О....

И. Х.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРАВОСЛАВНЫЙ БЛАГОВѢСТНИКЪ.

Шѣдше научите всѣ ѡзыки, кѣтѡще
и хъ во имя Оца и Сѣна и Сѣаго Дѣа.
Мато. XXVIII, 19.

ИЗДАНИЕ

ПРАВОСЛАВНАГО МИССИОНЕРСКАГО ОБЩЕСТВА, состоящаго подѣ августѣйшимъ
покровительствомъ ея императорскаго величества государыни
императрицы маріи ѡеодоровны.

1904.

Годъ двѣнадцатый.

ТОМЪ I.

№ 3.

ФЕВРАЛЬ.

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. П. СНЕГИРЕВОЙ

ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКІЙ ПЕР., СОБ. Д.

1904

О Киргизахъ Тургайской области¹⁾.

(Изъ воспоминаній учителя Киргизской школы).

Поселокъ О..... пріютился среди горъ и та, съ которой мы спускались къ нему, носить названіе Маячной. Говорятъ, что въ старину, когда киргизы плохо вѣрили въ русское могущество и частенько пощипывали русскія окраины, на этой горѣ, также, какъ и на другихъ вершинахъ казачьей линіи, постоянно дежурили казачьи пикеты и, вслучаѣ внезапнаго набѣга кочевниковъ, давали другъ другу знать зажженными кострами о постигшей бѣдѣ и тѣмъ вызывали на помощь. Съ этой же горы во время оно Пугачевъ обстрѣливалъ О..... и, какъ гласитъ Исторія Пугачевского бунта, не могъ взять эту, должно быть потому времени неприступную, крѣпость.

О..... довольно большой поселокъ и живетъ главнымъ образомъ на счетъ непрерывныхъ, останавливающихся въ немъ на кормежку каравановъ и обозовъ, а также торговлей съ своими сосѣдями киргизами и башкирами, почему казаки этого поселка весьма неохотно занимаются земледѣліемъ, и большая часть ихъ огромныхъ земельныхъ надѣловъ остается часто не воздѣланною, или обработанною кое-какъ. Огромныя ихъ степи не рѣдко бросаются некошеными, почему эта богатая травами мѣстность по зимамъ сильно нуждается въ сѣнѣ и въ какой-нибудь О....., заброшенной за тридевять земель отъ всякаго города, сѣно иной разъ не дешевле, чѣмъ въ столицѣ. У излѣнившихся казаковъ не только нѣтъ продажнаго хлѣба, но не рѣдко они и сами питаются покушнымъ. Близость скупыхъ, хит-

¹⁾ Продолженіе. См. „Правосл. Благов.“ № 2, стр. 80—87.

рыхъ, но еще неопытныхъ киргизъ и безшабашныхъ, безтолковыхъ башкиръ, раньше давала возможность легкой наживы и искусные плуты изъ казаковъ широко пользовались этимъ и, конечно, отъ такой легкой наживы въ конецъ излѣнились. Но, теперь, проученные горькимъ опытомъ башкиры и киргизы сдѣлались поосторожнѣе и умнѣе, и легкая нажива понемногу отходить въ область преданій. Однакожъ и теперь ловкіе люди еще ухитряются облапошивать недалководидныхъ степняковъ и деньги въ О..... порою не особенно дороги.

Но легкая нажива, конечно, не многимъ идетъ въ прокъ. Легко нажитое еще легче, безъ сожалѣнія и безпутно проживается, почему пьянство и его вѣрный спутникъ развратъ укоренились въ О..... и распложаютъ ужаснѣйшія болѣзни, разносимыя потомъ и по всей степи. До винной монополіи два кабака и большой трактиръ не успѣвали напасаться вина. Да и теперь двѣ казенныя винныя лавки, красующіяся своими зелеными вывѣсками одна противъ другой, должно быть для конкуренціи казенныхъ продавщицъ, торгуютъ изрядно, а чайная, возникшая на пенелищѣ убитаго монополіей трактира, по разгулу и безобразіямъ не уступить самому безобразному, грязному вертепу.

Въ то время въ О....., кромѣ двухъ священниковъ и прочаго церковнаго причта, имѣли постоянное пребываніе многіе гражданскіе чиновники, при чемъ большинство изъ нихъ по странной случайности были или поляки, или армяне и латыши и вся эта разноплеменная аристократія относилась къ мѣстному русскому населенію свысока и даже съ плохо скрываемымъ презрѣніемъ, почему не только не оказывала на окружающихъ никакого нравственнаго вліянія, но даже частенько дѣйствовала развращающимъ образомъ. Впрочемъ въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, „ненормальнаго“. Карты, попойки, сплетни и еще кое-какія, не особенно славныя, дѣянія всегда наполняли и наполняютъ жизнь захолустной интеллигенціи и не оставляютъ времени оглянуться на себя и вспомнить о своихъ гражданскихъ и общечеловѣческихъ обязанностяхъ, не оставляютъ времени на серьезное чтеніе и саморазвитіе, почему всѣ эти, въ своемъ мнѣніи высокодаровитые и вполнѣ просвѣщенные, до мазурки и вивта

включительно, господа удовлетворяются, насыщают свою не требовательную душу одними объявленіями и анекдотами изъ „Свѣта“ и „Биржевыхъ вѣдомостей“.

Базаръ къ нашему пріѣзду былъ уже въ полномъ разгарѣ. Такихъ большихъ базаровъ до сего времени мы еще не привидилось видѣть. Наши сельскія ярмарки во многомъ уступаютъ такому степному базару.

Посреди широкой площади-улицы тянется рядъ каменныхъ и плетневыхъ лавокъ съ краснымъ (мануфактурнымъ) товаромъ, съ бакалей, съ кожами, по мѣстному названію „булгарой“, съ желѣзомъ, посудой и вообще всѣмъ, въ хозяйствѣ необходимымъ. Затѣмъ шли вороха липовыхъ палокъ, идущихъ на постройку кибитокъ, груды бревенъ, досокъ, мочала, возы съ углями и сѣномъ. Все это было привезено изъ башкирскихъ лѣсовъ и перекуплено мелкими казачьими прасолами, которые, въ киргизскихъ халатахъ и шапкахъ, модномъ для пожилого казака костюмѣ, стояли у своего товара и по башкирски и по киргизски зазывали къ себѣ покупателей. Далѣе тянулись сотни воевъ съ мукою, пшеномъ, картофелемъ, овсомъ и проч., навезенные сюда съ хуторовъ переселенцами на привольныя башкирскія земли, трудолюбивыми хохлами и мордвою. На концѣ поселка въ особой загороди тѣснились кони, быки и бараны, пригнанные изъ за Урала кочевниками. Тутъ же были разбросаны тысячи разныхъ кожъ и овчинъ и горы шерсти и джебаги, т. е. вылинявшей верблюжьей шерсти. Вереницы навьюченныхъ и развьюченныхъ верблюдовъ занимали по всему базару всѣ свободные проходы и мы, новичку, боязно было безъ привычки прогуливаться подъ ихъ безобразными мордами. Но страхъ этотъ былъ напрасенъ. Осторожныя животныя „вѣжливо“ уступали дорогу и не слышно было, чтобы когда нибудь кому либо причиняли они какой вредъ. Эти животныя опасны только въ февралѣ, когда на нихъ не дѣйствуетъ и веревка, привязанная къ продѣтому въ носовой хрящъ колышку. Тогда они съ яростію бросаются даже на своихъ хозяевъ и нерѣдко страшно увѣчать, отрываютъ руки и т. п. Удивительно, что въ это время только женщины киргизки совершенно безопасно для себя мо-

гутъ приближаться и справляться съ самыми свирѣпыми изъ опыненныхъ страстью животныхъ.

По скотному базару важно расхаживали дородные казаки-богачи, одѣтые въ мѣховые бешметы и каракулевые шапки. Это—скупщики скота, цари базара. Приѣдутъ бычники и гуртовщики, базаръ пройдетъ на славу. Скотъ продается, кассы купцовъ и карманы прасоловъ наполнятся, а кочевники запасутся всѣмъ для себя необходимымъ: мукою, чаемъ, сахаромъ, солью, керосиномъ и лѣсомъ, необходимымъ на постройку или починку землянокъ и кибитокъ. Вечеромъ въ рѣдкомъ домѣ не идетъ попойка, такъ какъ всѣмъ перепало отъ базара; къ тому же, почти въ каждомъ домѣ имѣется еще и свой постоянный базарный квартирантъ. Въ трактирѣ, или въ чайной, идетъ разливное море: слышно пикиканье скрипки, громъ торбана, „наяриваніе“ на гармоникѣ и заунывные звуки марша Перовскаго, наигрываемого пьянымъ башкирцемъ на калиновой дудкѣ, съ страннымъ акомпаниментомъ широкаго башкирскаго горла. Сотни бутылокъ водки и сквернаго, прокисшаго пива переливаются въ грѣшныя утробы любящихъ кутить, послѣ трудовъ праведныхъ, казаковъ, безпечныхъ башкирѣ и „цивилизованныхъ“, отшлифованныхъ отъ частыхъ сношеній съ культуртрегерами, богатыхъ скотоводовъ киргизъ и киргизскихъ маклеровъ. Трактирное кушанье—пельмени истребляется тутъ тысячами, при чемъ киргизами нерѣдко держатся странныя пари, кто больше съѣстъ. И есть, говорятъ, артисты, пожирающіе при восторженныхъ кликахъ зрителей, любителей этого спорта, по цѣлой сотнѣ пельменей, или же по полпуду жирной баранины...

Среди пирующихъ возсѣдаютъ поселковыя власти: атаманъ съ своей канцеляріей, казачьи „представители“, поселковые міроѣды. Тутъ же присоединился и полицейскій урядникъ съ десятскими и сотскими. Вся эта сельская аристократія зашла якобы случайно, для наблюденія за порядкомъ, на самомъ же дѣлѣ, чтобы попить, погулять на чужой счетъ, обпить какого-нибудь провинившагося, проштрафившагося, или же—всею чаще—счастливаго удачника, умѣло облапошившаго заѣзжаго, еще не искушеннаго въ сношеніяхъ съ казачьими прасолами, дальняго кир-

гиза, а затѣмъ, въ концѣ концовъ пропить или проиграть въ карты и свои, случайно попавшіе въ карманъ за день гроши... Веселыя картины...

5. Возвращеніе въ школу. — Первое знакомство съ родителями учениковъ. — Одежда киргизъ.

Съ большимъ запасомъ провизіи, нагруженной на три арбы, т. е. огромныя неуклюжія телѣги, запряженныя волами, возвратился я въ школу. Чудный „хабартъ“ уже оказалъ мнѣ свою услугу: всѣ ученики были въ сборѣ. Сильное любопытство, желаніе поскорѣе взглянуть на новаго учителя, побудило лѣнивыхъ киргизъ поторопиться привезти своихъ дѣтокъ - школяровъ. Нѣкоторые явились верстъ за восемьдесятъ. Всѣ ребятки тѣсно окружили меня и, произнося разныя привѣтствія, жали мою руку. Широкія смуглыя личики ихъ дышали удовольствіемъ, темныя глазки такъ и сверкали изъ своихъ узенькихъ щелочекъ. Нѣкоторые изъ дѣтей были одѣты въ теплыя ватныя халаты, изъ коричневой и черной бязи, въ мѣховыя, лисьи и бараньи, разнокалиберныя шапки и въ кожаные сапоги съ неимоვნю высокими и тонкими, наклоненными къ срединѣ подошвы, каблуками, отчего походка у всѣхъ была довольно смѣшная. Всѣ принуждены были ходить наклонясь впередъ и нѣсколько балансируя руками, чтобы не упасть.

Многія выбѣжали раздѣтыми, въ легкихъ бешметахъ всевозможныхъ цвѣтовъ: красныхъ, зеленыхъ, синихъ, бѣлыхъ, черныхъ, а также и въ разноцвѣтныхъ полосатыхъ. На ногахъ виднѣлись татарскіе расшитые ичиги въ модныхъ киргизскихъ неуклюжихъ калошахъ съ высокими и тонкими каблуками. Черныя жесткіе волосы на головахъ были только подстрижены, а не выбриты и тюбетеекъ татарскихъ не имѣлось. Только у двоихъ мальчиковъ, сыновей мултъ, какъ потомъ мнѣ объяснили, головы были до сѣня выбриты и покрыты бѣлыми, колпаковидными, бухарскими тюбетейками. У нѣкоторыхъ на спинахъ бешметовъ виднѣлись нашитые ромбовидные амулеты, съ зашитыми въ нихъ разными выписками изъ корана.

Родители и братья учениковъ тоже протискивались ко мнѣ и привѣтствовали меня обычнымъ „аманъ сысъ тюре!“ Все это былъ народъ рослый и по первому взгляду здоровый, крѣпкій. Даже въ сѣдобородыхъ старикахъ не замѣтно было дряхлости и усталости, хотя нѣкоторые передъ этимъ только что проѣхали верхомъ верстъ по полсотни, не слѣзая съ сѣдла. Выдающіяся скулы, смуглый цвѣтъ лица, темные глазки въ узенькихъ щелочкахъ, небольшой, немного приплюснутый носъ, неособенно толстыя губы и бѣлые, какъ снѣгъ, зубы были характерными признаками каждаго. Одежда, какъ на старикахъ, такъ и на молодыхъ была почти одинакова и состояла главнымъ образомъ изъ длинныхъ и широкихъ ватныхъ или мѣховыхъ халатовъ, съ верхомъ изъ домашней грубой и весьма прочной сѣрой шерстяной армячины, или же изъ бязи и полосатой бухарской ткани. На нѣкоторыхъ было навьючено по нѣскольку такихъ халатовъ, причемъ всѣ эти халаты, благодаря странному ихъ покрою, были плохо запахнуты, такъ что грудь оставалась открытою и можно было видѣть грязныя коленкоровыя рубахи. На головахъ, поверхъ маленькихъ мѣховыхъ шапокъ, почти у каждаго красовался огромный неуклюжій мѣховой же малахай, т. е. высокій колпакъ, съ ушами для защиты щекъ и назатыльникомъ, спускающимся на плечи. Неимѣющіе малахаевъ поверхъ шапокъ были повязаны красными платками, причемъ открытыми оставались только глаза; франты эти, такъ сильно пекущіеся о нѣжномъ цвѣтѣ лица, въ своихъ платкахъ выглядѣли довольно смѣшно. Не смотря на довольно ощутительный холодъ, всѣ были обуты или въ ичиги и мелкія кожанныя калоши, или же въ кожаные сапоги, обшитые изнутри тонкимъ войлокомъ и только одинъ старикъ былъ въ теплыхъ валеныхъ сапогахъ. Почти всѣ киргизы по халатамъ были подпоясаны широкими бѣлыми верблюжьими ремнями, украшенными разными металлическими бляхами. У нѣкоторыхъ бляхи эти были изъ чистаго серебра и украшены разноцвѣтными камнями (или стеклышками) и бирюзой. Къ поясамъ были привѣшаны небольшіе ножи въ кожаныхъ ножнахъ и кожаныя же сумочки, должно быть для нюхательнаго табаку. У многихъ за поясъ были заткнуты претолстыя нагайки, сплетенныя изъ во-

ловыхъ жилъ. Такой нагайкой кажется можно убить быка, почему нагайка замѣняетъ киргизу всякое оружіе и съ нею онъ никогда не расстаётся. Нагайка для киргиза то же, что шпага для древняго испанца и киргизъ не скупится на украшеніе своей нагайки, обиваетъ ручку серебромъ и проч. У нѣкоторыхъ изъ разсматриваемыхъ мною степняковъ изъ подъ распахнутыхъ полъ халата виднѣлись широчайшія, ярко расшитыя, штаны изъ козливой кожи. Во время работы или ненастной погоды въ эти штаны свободно, для удобства, забирается вся коллекція халатовъ, навздѣванная на ихъ владѣльца и тогда фигура киргиза дѣлается еще неуклюжѣе, что при смѣшной походкѣ, происходящей, какъ было упомянуто, отъ неудобной обуви, а также и непривычки ходить пѣшкомъ, дѣлаетъ его похожимъ на танцующаго медвѣдя.

Я пригласилъ своихъ новыхъ знакомыхъ напиться чаю и они расположились на разостланной для нихъ на полу кошмѣ, вокругъ огромнаго двухведернаго школьнаго самовара. Гости съ жадностію набросились на предложенный имъ хлѣбъ, такъ какъ киргизы весьма рѣдко его видятъ и считаютъ чуть ли не лакомствомъ. Во время безконечнаго чаепитія бесѣда наша не прекращалась и видно было, что хитрые и недоувѣрчивые кочевники всячески старались разузнать меня какъ можно покороче, при чемъ, чтобы вкратцѣ въ мое довѣріе, низко льстили мнѣ. Оказывается лесть и лицемѣріе у киргизъ порокъ чуть ли не врожденный. Даже самое искреннее уваженіе и почтеніе всегда у нихъ отзывается невольнымъ лицемѣріемъ. Должно быть лицемѣріе это есть простая вѣжливость, переродившаяся подъ вѣчнымъ страхомъ притѣсненій и несправедливостей ихъ бывшихъ владыкъ—хановъ. Всякій киргизъ предъ старшимъ или сильнѣйшимъ себя, а въ особенности предъ богатымъ и знатымъ, готовъ унизиться до подлости, предъ низшимъ же и слабѣйшимъ себя, наоборотъ, гордъ и запосчивъ до смѣшнаго. Входя къ богачу или къ чиновнику, киргизъ, даже и не проситель, принимаетъ пришибленный, униженный, печальный видъ и смиренно садится у порога на свои пятки и, кромѣ словъ привѣтствія, ничего не говорить до тѣхъ поръ, пока богачъ соизволитъ кинуть ему какой

нибудь вопросъ. При этомъ бѣднякъ не можетъ ожидать отъ богача ничего, кромѣ не скрываемаго презрѣнія и отвращенія. Бѣдный въ степи считается какимъ то зачумленнымъ, проклятымъ Богомъ.

При прощаніи, каждый чадолюбивый папаша упрашивалъ меня, чтобы я позаботился особенно именно только объ его сынѣ, прилагалъ бы всѣ старанія, чтобы сынокъ его былъ непремѣнно лучшимъ ученикомъ въ школѣ, чтобы съ успѣхомъ кончилъ въ ней курсъ и могъ бы затѣмъ поступить если не въ гимназію, то хотя въ учительскую школу, дабы сдѣлаться въ послѣдствіи если и не большимъ „тюрею“, то по крайней мѣрѣ хотя учителемъ, или переводчикомъ въ уѣздномъ управленіи.

Вообще всѣ киргизы страшно честолюбивы и на обученіе своихъ дѣтей въ русской школѣ смотрятъ исключительно съ утилитарной точки зрѣнія и возлагаютъ на своихъ, по ихъ понятіямъ въ будущемъ высокоученыхъ, сыновей, самыя заманчивыя и не сбыточныя надежды. Въ послѣднее время, когда вышло распоряженіе, чтобы всѣ волостные управители и даже аульные старшины знали русскую грамоту, всѣ русско-киргизскія школы положительно переполнены учащимися. Родители заботятся, чтобы дѣти ихъ не потеряли права на избраніе въ общественныя должности.

И. Х.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРАВОСЛАВНЫЙ БЛАГОВѢСТНИКЪ.

Шѣдше научите всѣ ѡзыки, крѣщаще
ихъ во имя Оца и Сѣна и Сѣаго Дѣа.
Матѣ. XXVIII, 19.

ИЗДАНИЕ

ПРАВОСЛАВНАГО МИССИОНЕРСКАГО ОБЩЕСТВА, состоящаго подѣ августѣйшимъ
покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни
Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

1904.

Годъ двѣнадцатый.

ТОМЪ I.

№ 5.

МАРТЪ.

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ
ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКИЙ ПЕР., СОБ. Д.

1904

0 Киргизахъ Тургайской области ¹⁾).

(Изъ воспоминаній учителя Киргизской школы).

6. Знакомство съ учениками. — Ихъ домашнее, дошкольное обученіе у татаръ. — Постепенное отатариваніе киргизъ.

Проводивъ гостей, наговорившихъ мнѣ при прощаніи кучу любезностей и разныхъ благопожеланій, я началъ знакомиться съ своими учениками. Всѣ они были пресимпатичнѣйшіе ребята, живые, смысленные, съ большими способностями. Память и сообразительность во многихъ меня просто поражала. Проучившіеся въ школахъ годъ, могли бѣгло читать по русски и даже кое-какъ объяснялись со мною, проучившіеся же два года говорили по русски довольно правильно и въ письмѣ подъ диктовку грубыхъ ошибокъ не дѣлали. Всѣ ребятки наперерывъ спѣшили похвастаться знаніемъ русскихъ стихотвореній и съ большимъ удовольствіемъ, нѣсколько на распѣвъ, произносили ихъ. При этомъ первогодники немилосердно коверкали слова и при трудномъ произношеніи нѣкоторыхъ словъ преуморительно корчили свои рожицы.

Вотъ образецъ ихъ искусства:

Письмисо отъ бнука	т. е.	Письмецо отъ внука
Получилъ Пидоть.		Получилъ Федоть.
Бнукъ иго далока		Внукъ его далеко
Въ городи жиботь.		Въ городѣ живетъ.
Шту та пишетъ бнушекъ,		Что то пишетъ внучекъ,
Нужно дѣду знатьъ,		Нужно дѣду знатьъ,

¹⁾ Продолженіе. См. „Правосл. Благов.“ № 3, стр. 130—137.

Тулька не умѣйтъ
Самъ унъ прочитайтъ.
Вышелъ на крылишко
Дѣдушка Пидотъ,
Сѣлъ и грамотѣя
Зъ нетирпѣнемъ ждотъ.
Пу дарогѣ малшикъ
Бдоль сила идотъ.
Дѣдъ крышитъ: „Мишуха,
На, прости ка, боть!“

Только не умѣетъ
Самъ онъ прочитать.
Вышелъ на крылечко
Дѣдушка Оедотъ,
Сѣлъ и грамотѣя
Съ нетерпѣнемъ ждетъ.
По дорогѣ мальчикъ
Вдоль села идетъ.
Дѣдъ кричитъ: „Мишуха,
На, прочти-ка, вотъ!“ ¹⁾

Нѣкоторые изъ учениковъ, преимущественно дѣти богатыхъ родителей, предъ поступленіемъ въ школу, успѣли уже кончить науку у странствующихъ по степи татарскихъ муллъ.

Муллы эти оказываются въ большинствѣ случаевъ малограмотными и часто безпаспортными казанскими татарами, едва бредущими по корану. Но для темнаго киргиза и мало мальски разбирающій коранъ кажется уже ученѣйшимъ муллою. Киргизы хотя и не долюбиваютъ своихъ единовѣрцевъ татаръ, но презрѣнія и насмѣшекъ ихъ по поводу своего невѣжества, незнанія основныхъ началъ вѣры Мухаммедовой, боятся. Поэтому всѣ стараются задабривать своихъ лукавыхъ просвѣтителей, угощаютъ ихъ, дарятъ и сквозъ пальцы смотрятъ на плутни этихъ, по ихъ мнѣнію, непогрѣшимыхъ въ дѣлахъ вѣры авторитетовъ и нерѣдко даже умышленно допускаютъ ихъ обманывать себя. Татары же, въ благодарность за это, не только нагло надуваютъ и обворовываютъ пріютившихъ ихъ степняковъ, но при всякомъ удобномъ случаѣ еще и подсмѣиваются надъ бѣдными киргизами, считаютъ ихъ самыми презрѣнными, глупыми и безтолковыми дикарями и въ ссорахъ между собою слово „киргизъ“ употребляютъ какъ ругательное.

Изъ за этой-то боязни укоровъ и насмѣшекъ со стороны мнимо благочестивыхъ и твердыхъ въ вѣрѣ татаръ, богатые киргизы при всякомъ удобномъ случаѣ стараются набраться татарскаго просвѣщенія, стараются залучить къ себѣ, хотя бы и

¹⁾ Изъ книги для чтенія въ инородч. учил. Вольпера.

самаго подозрительнаго на видъ, оборваннаго, до синя выбритаго, странствующаго муллу-педагога, оказывающагося потомъ въ большинствѣ случаевъ какимъ-нибудь казанскимъ пастухомъ, скрывающимся въ степи у гостепріимныхъ киргизъ отъ солдатчины.

И вотъ такому-то залетному педагогу, болѣе опытному въ витьѣ кнутьевъ, чѣмъ въ грамотѣ, и отдають бѣдные киргизы въ науку своихъ сыновей, не обращая никакого вниманія ни на возрастъ ни даже на плохое здоровье ихъ. Нерѣдко можно встрѣтить въ такомъ походномъ медресѣ и 4-хъ лѣтнихъ слабенькихъ дѣтей, которыя, жалобно и на распѣвъ, старательно выводятъ своими тоненькими голосками безконечное „Бисми Ляги ль ррахмани ль ррахими“, такъ часто повторяемое въ изучаемомъ Гавтiekѣ. Лѣтъ пять длится это ученіе и затѣмъ бѣднаго, изнуреннаго непосильной долбежкой мальчика по настоянію оперившагося и часто разбогатѣвшаго за это время самозванца-муллы отправляютъ въ настоящее медресе, куда пибудъ въ башкирію къ ученому ахуну изъ Бухары, или же въ Оренбургскую Каргалу, знаменитый разсадникъ мусульманскихъ фанатиковъ.

Въ медресѣ ученіе длится, какъ мнѣ передавали, еще лѣтъ 10—15 и, кажется, никогда не считается вполне оконченнымъ, должно быть по неизмѣримой глубинѣ премудрости, скрытой въ безсвязномъ и всякому здравомыслящему человѣку непонятномъ, Коранѣ. Поэтому въ степи и до сего времени не особенно много ученыхъ муллъ изъ природныхъ киргизъ и муллы эти менѣе фанатичны, чѣмъ татарскіе и не особенно настойчиво принуждаютъ своихъ единоплеменниковъ къ строгому выполненію мудрыхъ обрядовъ Мухаммедова закона, и только заѣзжіе и бродячіе по степи татары подогрѣваютъ и поддерживаютъ въ киргизахъ приверженность къ мухаммеданству.

Проѣзжающему по степи не трудно узнать, гдѣ свилъ свое гнѣздо заѣзжій татарскій мулла-невидимка. Называю ихъ невидимками потому, что они, по причинѣ своей безпаспортности, почти всегда прячутся отъ русскихъ чиновниковъ и учителей, при чемъ, скрывая истинную причину своего страха предъ рус-

скими, внушают киргизамъ, что всѣ русскіе злѣйшіе враги мусульманства, не хотятъ, чтобы киргизы были правовѣрными, и что всегда стараются выдворять изъ степи замѣченнаго муллу-просвѣтителя.

И вотъ, гдѣ водворился такой просвѣтитель, онъ скоро успѣваетъ подчинить себѣ и на время отатарить ближайшихъ киргизъ. Кочевники начинаютъ всячески стараться, чтобы во всемъ быть похожими на татарина. Всѣ они до синя выбриты и франтятъ въ грязныхъ тюбетейкахъ. Женщины, вопреки киргизскому обычаю, начинаютъ прятаться отъ постороннихъ мужчинъ и закрываются при встрѣчѣ съ ними. Старики болѣе уже не просрочиваютъ, не забываютъ времени молитвы, но аккуратно совершаютъ омовенія и намазы, хотя и видно, что дѣло это имъ непривычное, новое: они дѣлаютъ постоянныя ошибки не только въ словахъ непонятныхъ арабскихъ и татарскихъ молитвъ, но и въ молитвенныхъ рикагятахъ, т. е. поклонахъ, частенько смѣшиваются. Впрочемъ, заучить всю сложную мухаммеданскую молитвенную гимнастику едва по силамъ и болѣе ревностнымъ мусульманамъ, каковыми киргизы никогда не были. Они никогда не были охотниками ни до омовеній, ни до намазовъ и изъ Мухаммедова ученія, кажется, только одно твердо и усвоили, что звучное „Аллахъ Акбаръ“, да искусство помахать, въ знакъ благоговѣнія, ладонями предъ лицомъ.

Киргизы и въ настоящее время не охотники до посѣщенія мечетей, почему мечети большею частію постоянно пустуютъ и только разъ въ году, во время Курбанъ байрама, переполняются этими лѣнивыми послѣдователями лжепророка, да и то, впрочемъ, только потому, что любителямъ поѣсть волю трудно за-быть и не почтить этотъ великій Мухаммеданскій праздникъ, — день всеобщаго обжорства жертвеннымъ мясомъ.

Вообще, можно думать, что если бы не муллы татарскіе, то вѣроятно исламъ въ степи и въ настоящее время только бы едва курился, какъ это было въ старину. Но муллы, получивши во время оно широкій доступъ въ степь, продолжаютъ и до сего времени умѣло и настойчиво, хотя собственно и не изъ религиозныхъ побужденій, а исключительно изъ личныхъ своихъ вы-

годъ, насаждать въ степи исламъ, постепенно и незамѣтно, но вѣрно, изо дня въ день, отатариваютъ киргизъ, превращаютъ этихъ, индифферентныхъ въ дѣлахъ вѣры, кочевниковъ въ ревностныхъ и фанатичныхъ мусульманъ, поселяютъ въ нихъ недоувѣріе и ненависть къ русскимъ и тѣмъ готовятъ Россіи довольно безпokoйныхъ, а пожалуй и опасныхъ подданныхъ. Казаки рассказываютъ, что во время послѣдней русско-турецкой войны по степи во множествѣ шлялись турецкіе агенты и возбуждали, при помощи муллъ, давно умиротворенный и ствыкшій отъ набѣговъ киргизскій народъ противъ ихъ благодѣтельницы Россіи. Киргизы по секрету открывали потомъ своимъ близкимъ друзьямъ изъ русскихъ о грозившей тогда всѣмъ русскимъ опасности, передавали, что возмутителями внушалось, вслучаѣ успѣха турецкаго оружія, сдѣлать внезапное и одновременное нападеніе на русскія окраины, съ цѣлю поголовнаго истребленія христіанъ. Да и теперь, смущаемые турецкими выходцами и примѣромъ нѣкоторыхъ татаръ, многіе изъ киргизъ зараженныхъ мусульманскимъ фанатизмомъ, мечтаютъ о переселеніи въ „привольную“ Турцію, подъ власть правовѣрнаго падишаха. Говорятъ, что были примѣры, что нѣкоторые, распродавъ свое имущество пытались пробраться, и быть можетъ, и пробирались въ Турцію, но черезъ нѣсколько лѣтъ возвращались раззоренные и оборванные назадъ, на родину.

Поэтому - то, въ настоящее время, когда мухаммеданскіе миссіонеры, въ теченіи полутора ста лѣтъ ни кѣмъ не стѣсняемые и не противоудѣствуемые, а даже еще нерѣдко и поощряемые, успѣли заквасить киргизскіе умы соблазнительнымъ ученіемъ, труднѣе и много бесплоднѣе становится въ степи проповѣдь о Христѣ, чѣмъ могла бы быть она въ то время, когда киргизъ почти силомъ загоняли въ щедро настроенныя для нихъ, чуть ли даже не на казенный счетъ, мечети.

Однакожъ и теперь труды христіанскихъ миссіонеровъ среди кочевниковъ Тургайской области не остаются и не останутся безплодными, что ясно доказываетъ неутомимая и плодотворная дѣятельность скромнаго священника о. Θεодора Соколова, питомца Казанской Учительской Семинаріи. Благодаря его неусп-

нымъ миссіонерскимъ трудамъ, въ области изъ крещенныхъ имъ киргизъ образовался уже цѣлый большой поселокъ и недавніе полудикіе и вороватые кочевники, съ переходомъ въ христіанство, превратились въ мирныхъ осѣдлыхъ пахарей. Въ послѣднее время по городамъ области заботами Оренбургскаго преосвященнаго Владимира начинаютъ устраиваться миссіонерскіе станы и Богъ дастъ въ будущемъ, быть можетъ и недалеко, свѣтъ Христовъ ярко засіяетъ по всей степи.

7. Жизнь волостной школы. — Еще нѣсколько словъ о мухаммеданствѣ среди киргизъ. — Степная мухаммеданская мечеть.

Курсъ русско-киргизской волостной школы равняется курсу сельскаго однокласснаго училища. Обученіе тоже трехлѣтнее и въ эти три года, кромѣ основательнаго ознакомленія съ русскимъ языкомъ, проходитъ также ариѳметика до дробей и даются первоначальныя свѣдѣнія изъ русской исторіи и географіи. На занятія мухаммеданскимъ вѣроученіемъ отведено только по два часа въ недѣлю и исключительно по пятницамъ, такъ какъ неучебнымъ днемъ во всѣхъ школахъ области, кромѣ вновь открываемыхъ аульныхъ, считается воскресенье. Вѣроученіе въ моей школѣ проходило сначала подъ руководствомъ престарѣлаго ахуна не знающаго ни одного слова по русски, а затѣмъ подъ руководствомъ бывшаго питомца русско-киргизскаго двухкласснаго училища и состояло въ изученіи условій вѣры „Шарайтыль Ысламъ“, напечатанныхъ русскими буквами для большаго приученія киргизятъ къ русскому алфавиту и для скорѣйшаго и полнаго вытѣсненія изъ степи татарскаго алфавита, введеннаго въ степь со временъ Императрицы Екатерины II.

Въ каждой русско-киргизской школѣ ученики встаютъ по звонку въ 6 ч. утра и затѣмъ, умывшись, пьютъ чай съ пшеничнымъ хлѣбомъ. Къ ржаному хлѣбу киргизята не привычны, да его почти и нѣтъ въ тѣхъ краяхъ, такъ какъ и казаки и переселенцы почти не сѣютъ ржи. Въ 8¹/₂ часовъ начинаются занятія и продолжаются съ небольшими перерывами (перемѣнами) четыре часа. Во второмъ часу ученики обѣдаютъ, при чемъ

каждому дается отдѣльная тарелка, ножъ и вилка, а по праздникамъ даже и салфетка. Смѣшно смотрѣть, какъ маленькіе дикари въ первое время не умѣютъ справляться не только съ ножомъ и вилкою, но и съ ложкой, такъ какъ эти орудія, при степномъ способѣ ѣды прямо патью пальцами, для киргизъ совершенно излишни и большинству и не извѣстны. Кушанья, приготовляемые поваромъ изъ русскихъ казаковъ, состоятъ обыкновенно изъ мясного картофельнаго супа, или лапши съ говядиной и пшенной каши съ саломъ. Русскихъ щей киргизы не любятъ. По праздникамъ каша замѣняется или жаркимъ, или же любимымъ степняками пловомъ, т. е. варенымъ въ салѣ рисомъ съ кишмишемъ, (т. е. чернымъ изюмомъ), и кусочками мяса. Послѣ обѣда, если нѣтъ урока гимнастики, ученики гуляютъ по степи, или же играютъ на огромномъ школьномъ дворѣ. Въ 4 часа собираются пить чай, а съ 6 до 8 часовъ вечера проводятъ въ классѣ за приготовленіемъ уроковъ. Въ 8 часовъ ученики ужинаютъ и въ 9 ложатся спать. Предъ началомъ и послѣ ученія въ школахъ, гдѣ есть хотя одинъ русскій ученикъ, читаются молитвы—Царю небесный и Достойно. Въ воскресные и праздничные дни, свободные отъ занятій, ученики проводятъ время въ разныхъ играхъ. Самыя любимыя ихъ игры—это: въ козны (бабки), въ чижъ, въ волка и овцу, въ ямки, въ камешки и др. Зимой же первую забавой служить змѣйка. Это—гладкая, заостренная съ обоихъ концовъ, въ аршинъ длиною палочка, которую иные ловкачи такъ искусно запускаютъ въ снѣгъ, что она, какъ стрѣла, убѣгаетъ по снѣгу и подъ снѣгомъ по ровной степи сажень за двѣсти.

Въ мечеть при мнѣ ученики не ходили, такъ какъ подѣтъ предлогомъ, что мечеть не отапливается и въ ней легко простудиться, я посоветовалъ имъ сидѣть по пятницамъ въ классѣ и заниматься кромѣ вѣроученія, любимымъ всѣми киргизятами числописаніемъ. Мухаммеданскаго рамазана, по просту уразы, т. е. мѣсячнаго поста ученики тоже не держали, такъ какъ это нарушило бы весь строй школьнаго ученія на цѣлый мѣсяцъ. Ураза — это мѣсяцъ лѣни и безобразнаго обжорства, а въ городахъ и безнравственныхъ оргій. Цѣлые дни, въ теченіе

мѣсяца, благочестивые постники ничего не ѣдятъ и не пьютъ, и, чтобы не чувствовать голода, спать или такъ валяются, ночью же предаются всякимъ излишествамъ въ ѣдѣ и удовольствованіи всѣхъ низкихъ страстей, наперстывая съ лихвою день воздержанія. Но лишь сдѣлается на столько свѣтло, что возможно различить бѣлую нитку отъ черной, всѣ ложатся спать и, какъ пресыщенные удавы, въ состояніи проспять не только день, но даже сутки, переваривая сожранное за ночь и отдыхая отъ всѣхъ ночныхъ излишествъ. Ураза, особенно если придется зимою, когда ночи много длиннѣе дня, во многомъ перещеголяетъ по обжорству и всякимъ излишествамъ и широкую русскую масляницу и нужно имѣть достаточную долю лицемерія предъ Богомъ и людьми, чтобы время это считать постомъ, днями воздержанія и покаянія и достаточно подлости, чтобы за выполнение рамазана рассчитывать на полученіе отъ Бога обѣщанной лжепророкомъ награды.

Въ первую при мнѣ уразу, сосѣдніе муллы киргизскіе, вѣрнѣе киргизы, нѣсколько разбирающіе коранъ и потому считающіе себя великими учеными и знатоками ислама, узнавъ, что ученики не будутъ держать постъ, толпою привалили ко мнѣ и настойчиво допытывались, на какомъ основаніи я осмѣлился запретить держаніе уразы, которая до сего времени со дня открытія школы ежегодно свято соблюдалась.

Не приготовленный къ нашествію этой чалмоносной депутаціи, я могъ отвѣтить только то, что не запрещаю ученикамъ поститься, но не могу дозволить имъ ходить въ неотапливаемую мечеть (а безъ посѣщенія мечети что и за постъ?), такъ какъ боюсь, чтобы дѣти не простудились и мнѣ не пришлось бы за то отвѣчать и предъ начальствомъ и предъ родителями, ввѣрившими мнѣ своихъ дѣтей. Муллы доказывали, что мечеть ихъ весьма теплая и въ ней трудно простудиться и приглашали убѣдиться въ этомъ. Какъ разъ послышался въ это время громкій азанъ, т. е. призывъ на молитву и мы направились въ мечеть.

Саженьяхъ въ десяти отъ длинной бѣлой каменной мечети, завершонной небольшоимъ куполомъ съ полумѣсяцемъ на верху, возвышался огромный кирпичный минаретъ, напоминающій св

видомъ казанскую башню Сумбеки. Тридцать лѣтъ протекло, какъ воздвигнута была мечеть съ этой Вавилонской башней, но башня эта, подобно Вавилонской, за охлажденіемъ рвенія строителей, такъ и осталась недостроенной. Въмѣсто предполагавшейся при постройкѣ пирамидальной крыши, виднѣлись только подгнившіе и покосившіеся стропила, напоминающія изломанную проволочную фигуру пирамиды, поставленную на подставку для срисовыванія. Необшитые карнизы обвалились. Въмѣсто оконъ зіяли черныя дыры. Въ минаретѣ не было дверей и не было лѣстницы на верхъ, почему азанча свое „Аллахъ Акбаръ“, кричалъ обыкновенно съ (полу)земли. Будучи лишнимъ для мечети, минаретъ служилъ не азанчамъ, а стойломъ для лошадей пріѣзжающихъ на молитву благочестивыхъ мусульманъ, почему былъ страшно загаженъ, такъ какъ уборка навоза въ кругъ обязанностей азанчи не входила, а другого лица для этого по штату не имѣлось, и охотниковъ до благолѣпія храма не находилось. Тысячи голубей сдѣлали минаретъ своимъ пріютомъ и даже одинокая сова нашла себѣ пріютъ въ его полуразрушенной вершинѣ. Только въ недавнее время киргизы догадались, да и то по совѣту губернатора, обнести мечеть оградой и достроить минаретъ. На это скоро нашлись и средства. Однимъ разбогатѣвшимъ киргизомъ была завѣщана предъ смертью для умиловленія Аллаха довольно приличная сумма, почему не только бѣдный минаретъ достроился и получалъ давно ожидаемую желѣзную крышу, но и деревянные домики муллъ украсились, вмѣсто камышевыхъ, тесовыми крышами. Самая мечеть состояла изъ большихъ стѣнъ, тоже порядочно загаженныхъ лошадьми, за отсутствіемъ запоровъ на дверяхъ, большой продолговатой залы, въ 5 оконъ въ каждой изъ длинныхъ стѣнъ. Въ передней стѣнѣ оконъ не было, и въ срединѣ ея виднѣлась небольшая ниша-михрабъ. Направо отъ михраба въ углу возвышалась деревянная каѳедра о нѣсколькихъ ступеняхъ, служащая для произнесенія съ нея поученій. Съ потолка свѣшивались три заржавленные небольшія люстры, съ зажженными огарками салныхъ свѣчъ. Весь полъ былъ устланъ старыми вытертыми тонкими коврами. Пришедшіе со мною муллы встали въ передній

рядъ и одинъ изъ нихъ, старѣйшій, всталъ впереди всѣхъ поближе къ михрабу. Кромѣ пришедшихъ со мною, въ мечеть явилось еще болѣе двадцати обыкновенныхъ, не чалмоносныхъ, пожилыхъ киргизъ, которые образовали еще два ряда и съ усердіемъ принялись бормотать за своимъ предстоятелемъ слова молитвы и продѣлывать сложные молитвенные рикагаты, т. е. поклоны.

Къ ревнителямъ закона у меня теперь былъ отвѣтъ. Я указалъ имъ, по выходѣ изъ мечети, что далеко не всѣ киргизы, даже изъ ближайшихъ къ мечети землянокъ, явились на молитву и что не только дѣтей школьнаго возраста, но даже ни одного юноши не было и что поэтому напрасно они указываютъ на учениковъ, какъ на безбожниковъ. Привелъ имъ и еще нѣкоторые оправдывающіе учениковъ доводы. Муллы возражали мало и больше по этому поводу меня не беспокоили и во все время моей службы въ степи были моими хорошими пріятелями. Всѣхъ добрѣе ко мнѣ былъ добродушный ахунъ Жумабекъ, вскорѣ уволенный изъ указныхъ муллъ за совершенно невинный по степнымъ взглядамъ проступокъ, — за то, что соединилъ для брачнаго сожителства восьмидесяти лѣтняго стараго богача съ двѣнадцатилѣтней дѣвочкой. Но Жумабекъ не долго былъ безъ дѣла. Скоро къ нему перешло, за смертію Хазрета Якубіана, почетное званіе Хазрета, т. е. чуть ли не святого, по поводу чего щедрый новый хазретъ задалъ пиръ на весь міръ, пировалъ цѣлую недѣлю, кормилъ всякаго прохожаго и проѣзжаго.

И. Х.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРАВОСЛАВНЫЙ БЛАГОВѢСТНИКЪ.

И́дите научите всѣ ѡзыки, кѣ́тѡще
и́хъ во имя О́ца и Сѣ́на и Сѣ́лаго Дѣ́ла.
Матѣ. XXVIII, 19.

ИЗДАНИЕ

ПРАВОСЛАВНАГО МИССИОНЕРСКАГО ОБЩЕСТВА, состоящаго подѣ августѣйшимъ
покровительствомъ ея императорскаго величества государыни
императрицы маріи ѳеодоровны.

1904.

Годъ двѣнадцатый.

ТОМЪ I.

№ 7.

А П Р Ъ Л Ъ.

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. П. СНЕГИРЕВОЙ
ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКІЙ ПЕР., СОВ. Д.

1904

Мы не знаемъ будетъ ли удовлетворено это ходатайство наше, но мы готовимся къ празднествамъ, дни которыхъ въ предстоящее лѣто приурочены къ неизвѣстнымъ еще днямъ освященія большого, трехъ-престольнаго вновь выстроеннаго миссіонерскаго храма. Разрѣшать намъ празднованіе и съѣздъ или нѣтъ, мы, все равно, освящая храмъ, будемъ молиться о ниспосланіи намъ свыше крѣпости и силъ для терпѣливаго и безропотнаго несенія миссіонерскаго креста, его же далъ намъ Богъ.

Настоятель Обдорской Миссіи іеромонахъ Иринархъ.

О Киргизахъ Тургайской области¹⁾.

(Изъ воспоминаній учителя Киргизской школы).

8. Дѣятельность русско-киргизскихъ школъ. — Аульные школы. — Результатъ школьнаго ученія.

Первый учебный годъ въ степной школѣ сошелъ довольно благополучно. Ученики не разбѣгались, кромѣ паршей и чесотки, обычныхъ въ степи, ничѣмъ не болѣли и въ „наукахъ“, имъ преподаваемыхъ, довольно успѣли. Новички, не выдавшіе до школы ни одного русскаго, научились читать и писать по русски, запаслись не одной сотней русскихъ словъ и оборотовъ рѣчи. Второгодники къ концу года могли уже, съ грѣхомъ пополамъ, объясняться по русски и русскую рѣчь понимали вполне. Третьегодники же къ окончанію курса успѣли научиться довольно сносно говорить по русски и были весьма сильны въ письменномъ переводѣ не только съ русскаго на киргизскій, но и съ киргизскаго на русскій языки. Въ теченіи года мы съ ними перевели всю священную исторію, причемъ нагорную проповѣдь киргизята съ удовольствіемъ заучили даже наизусть. Только въ ариметикѣ мы не далеко ушли, такъ какъ за незнаніемъ киргизскаго языка я былъ плохимъ преподавателемъ математики,

помощника же у меня не было, ибо Д...а въ началѣ зимы пришлось спровадить, къ великому удовольствію и радости учениковъ и восторгу сосѣднихъ киргизъ, верстъ за семьдесятъ во вновь открытую аульную школу.

Аульные школы, типъ которыхъ выработанъ много потрудившимся въ дѣлѣ обрусенія степи, бывшимъ инспекторомъ школъ области А. В. Васильевымъ, начали открываться съ 1893 года. Школамъ этимъ предстоитъ блестящая будущность. Открываемая въ самыхъ глухихъ уголкахъ степи, школы эти скоро ознакомятъ кочевниковъ съ русскихъ языкомъ, съ русской грамотой, съ русскими обычаями и бывшіе питомцы ихъ уже не будутъ дичиться русскихъ, не будутъ видѣть въ нихъ только обманщиковъ и безстыдныхъ своихъ эксплуататоровъ. Знакомство съ основными законами, съ степнымъ уложеніемъ, поможетъ имъ облегчить тяжкое иго степныхъ пауковъ-управителей и ихъ достойныхъ сподвижниковъ хищныхъ ястребовъ, невѣжественныхъ писарей,

Жалко только, что въ школы эти, съ переходомъ А. В. Васильева въ другое вѣдомство, стали назначаться учителями киргизы же, немного вкусившіе отъ образованія въ двухклассныхъ училищахъ, или же прогнанные за „успѣхи“ изъ первыхъ классовъ гимназій. Учителя эти не любимы киргизами, такъ какъ не выполняютъ своего назначенія. Они не столько учатъ, сколько развѣзжаютъ по гостямъ, или же, обожравшись мясомъ и упившись кумысомъ, по цѣлымъ днямъ валяются въ школьномъ помѣщеніи, задавъ ученикамъ какую нибудь самостоятельную работу. Русскіе учителя болѣе желательны въ степи, такъ какъ, будучи болѣе или менѣе честными представителями русскаго народа, скорѣе бы заставили киргизъ увѣриться въ доброжелательствѣ къ нимъ русскихъ, полюбить Россію и слиться съ нею воедино.

На „торжество“ открытія 1-й аульной школы мнѣ пришлось ѣхать за 70 верстъ, хотя все торжество заключалось только въ томъ, что мы въ складчину съ учителемъ школы и хозяиномъ школьной квартиры приобрѣли двухъ барановъ и угостили собравшихся на открытіе аксакаловъ и родителей учениковъ. Предъ

этимъ я сказалъ собравшимся коротенькую рѣчь, въ которой, приравниваясь къ понятіямъ кочевниковъ, между прочимъ указалъ, что изученіе русскаго языка и русской грамоты для киргизъ также необходимо, какъ необходимы подковы лошадямъ во время гололедицы. Былъ составленъ актъ объ открытіи школы и всѣ присутствующіе приложили къ нему, по незнанію ни русской ни татарской грамоты, свои тамги, т. е. особые значки ввидѣ черточекъ, трезубцевъ, крестиковъ, кружечковъ и т. п. Тамги эти, которыми киргизы также таврятъ (мѣтятъ) свой скотъ, переходятъ издревле изъ рода въ родъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, такъ что значки на моемъ актѣ быть можетъ употреблялись еще сподвижниками Чингисъ Хана, отъ котораго всѣ киргизскіе султаны и до сего времени ведутъ свое родословіе. Двое изъ присутствующихъ бѣевъ вмѣсто тамги приложили свои именныя печати, подаренныя имъ начальствомъ за усердную службу и актъ въ заключеніе былъ скрѣпленъ должностною печатью аульнаго старшины.

Учениковъ на первое время собралось довольно много, но потомъ, къ веснѣ, они разбрелись и въ школѣ осталось только 10 человѣкъ, всѣми силами удерживаемыхъ и учителемъ и хозяиномъ квартиры, такъ какъ, по уставу о школахъ, аульная школа считается существующею только тогда, когда въ ней не менѣе 10 учениковъ.

Курсъ аульной школы двухлѣтній и въ это время ученики должны ознакомиться съ русскимъ письмомъ и чтеніемъ и отчасти съ разговорною русскою рѣчью и съ 4 правилами ариметики. Зимой школы эти помѣщаются въ нанимаемыхъ у киргизъ обыкновенныхъ землянкахъ, находящихся въ самыхъ многолюдныхъ зимовкахъ, лѣтомъ же въ кибиткахъ, кочующихъ вмѣстѣ съ аулами. Поэтому мебель въ такихъ кочующихъ школахъ легкая, складная, столы для занятій низенькіе, всего въ четверть отъ пола и ученики при письмѣ сидятъ скорчившись прямо на кошмѣ, что въ степи никого не удивляетъ, такъ какъ тамъ всѣ пишутъ чуть ли не лежа. Ученье въ этихъ школахъ продолжается круглый годъ и лѣтомъ и зимою, за исключеніемъ двухъ мѣсяцевъ, апрѣля, времени выхода изъ зимовокъ въ кибитки и сентября, времени переселенія въ землянки.

Аульные школы весьма дешевы, въ годъ обходятся всего въ 384 рубля, изъ которыхъ 240 рублей въ жалованіе учителю, 84 рубля за квартиру и на наемъ слугителя, а остальное на книги, письменныя принадлежности и на передвиженіе школы. Школы эти, кромѣ подчиненія инспектору, подчинены въ нѣкоторой степени и завѣдывающему волостной школой, который выдаетъ жалованье учителямъ, ведетъ отчетность по школѣ, наблюдаетъ за ходомъ занятій и несетъ главную отвѣтственность по школѣ, такъ какъ ввиду громадности района подвѣдомаго инспектору, немислимо одному человѣку осмотрѣть всѣ эти школы, разбросанныя на пространствѣ чуть ли не милліона квадратныхъ верстъ. Даже и при упомянутой системѣ надзора за школами инспектору школѣ приходится дѣлать ежегодно десятки тысячъ верстъ по ревизіи. Да и завѣдывающимъ волостными школами, особенно къ району котораго причислено по десятку аульныхъ школѣ, приводится тоже проѣзжать по обзору этихъ школѣ по нѣскольку тысячъ верстъ ежегодно.

Въ заключеніе всего сказаннаго о школахъ необходимо добавить, что, къ сожалѣнію, все школьное ученіе сводится пока все еще чуть ли не къ нулю. Ученики по выходѣ изъ школы быстро позабываютъ все, чему они учились, разучиваются не только говорить, но даже и читать по русски. О школьныхъ же порядкахъ, о чистотѣ и опрятности, къ которымъ ихъ приучали, не остается даже и воспоминанія. Да и что, на самомъ дѣлѣ, могутъ значить 2—3 года, проведенные въ русской школѣ, въ сравненіи съ цѣлой жизнью въ полудикой средѣ, гдѣ о русскомъ разговорѣ и о книгахъ нѣтъ и помину, гдѣ только одни муллы считаются просвѣщенными авторитетами и умѣло затемняютъ умы окружающихъ, связываютъ мысль мертвыми мухамедовымъ ученіемъ.

И не одни только ученики начальныхъ школѣ быстро позабываютъ о своемъ ученіи. Даже лица, получившіе высшее образованіе, окончившіе университетъ и прослужившіе по нѣскольку лѣтъ чиновниками въ русскихъ городахъ, при первомъ возвращеніи въ степь, позабывали все, чему они такъ долго учились, чѣмъ такъ долго жили. Въ какіе нибудь 2—3 года

постояннаго житья въ степи самый просвѣщенный киргизъ, еще такъ не давно разрѣшавшій съ пріятелями разные высокіе вопросы, такъ недавно восхищавшій дамъ своею элегантною, прекрасными манерами, умѣньемъ танцовать и говорить комплименты, превращается въ самого зауряднаго, неуклюжаго, грязнаго полудикаго намада. Та же землянка, та же кибитка, та же грязь въ дому, тѣ же мелочные интересы, тѣ же взгляды, что и у ничему неучившагося киргиза. И только прекрасный русскій выговоръ, умѣнье заводить и тянуть кляузы, писать прошенія во всѣ учрежденія, занимать деньги безъ отдачи и, якобы изъ духа народничества, при случаѣ наговаривать на русскихъ, обвинять ихъ въ посягательствахъ на киргизскую свободу, доказываютъ, что киргизъ этотъ изъ „образованныхъ“.

Явленіе странное и крайне неутѣшительное. Ясно видно, что, хотя способностями киргизы и не обдѣлены, особенно въ дѣтскомъ возрастѣ, но самостоятельности въ нихъ нѣтъ ни сколько. Пока киргизъ находится подъ чьимъ либо сильнымъ вліяніемъ и направляется умѣлою рукою, онъ сможетъ и гору своротить. Но лишь только погоняющая и направляющая рука отъ него убрана, онъ теряется, останавливается въ развитіи и, не зная что далѣе дѣлать, катится назадъ по наклонной плоскости. Природныя наклонности быстро берутъ верхъ надъ воспитаніемъ и скоро самый искренній во дни студенчества идеалистъ, позабываетъ о своихъ чистыхъ, возвышенныхъ стремленіяхъ.

Жизнь чисто животная становится для него единственнымъ и высочайшимъ наслажденіемъ и все время у него, какъ у дикаго звѣря, начинаетъ проходить въ наполненіи и переполненіи своего желудка и главное, — что и становится теперь идеаломъ для бывшаго студента, — въ полнѣйшемъ бездѣйствіи, въ полнѣйшемъ ничегъ недѣланіи. Гдѣ же лѣкарство противъ этого недуга?! Есть же вѣдь гдѣ-нибудь. да и извѣстна, быть можетъ и многимъ, та живая вода, которая имѣетъ силу разбудить и поддержать бодрость въ спящей полумертвой степи!

9. Зимнее жилище киргиза и его принадлежности. — Домашняя утварь. — Пища и питье. — Нравы и обычаи.

Въ первые дни по приѣздѣ моемъ въ степь, любопытные киргизы цѣлыми толпами являлись въ школу, чтобы покороче познакомиться со вновь прибывшимъ молодымъ „тюреку“, посмотреть на его занятія въ классѣ, похвалить его, полицемѣрить и затѣмъ попить вдоволь чайку и покушать до сыта „нанъ“, т. е. русскій хлѣбъ и поболтать вволю.

Въ свою очередь и они наперерывъ другъ передъ другомъ приглашали меня къ себѣ „кунакка“, т. е. въ гости. И вотъ, при первой возможности я отправился въ сопровожденіи Д...а навѣстить своихъ ближайшихъ сосѣдей.

Огромный аулъ, состоящій изъ скверныхъ черныхъ и желтыхъ землянокъ, былъ разбросанъ безъ всякаго порядка по берегамъ рѣчки на нѣсколько верстъ. Видно было, что всякъ ставилъ свой „уй“, т. е. домъ, такъ какъ ему болѣе нравилось, или казалось удобнѣе. Каждое хозяйство вмѣсто плетня, было безтолково окопано неглубокою канавкой, прорытой безъ всякаго соображенія и расчета, почему у всѣхъ были совершенно разные дворы. У одного дворъ былъ ввидѣ треугольника, у другого ввидѣ огромнаго неправильнаго эллипсиса, а у нѣкоторыхъ, должно быть самыхъ несообразительныхъ хозяевъ, узенькій, сажень въ 5 шириною, дворъ тянулся чуть ли не на полверсты. Вся эта распланировка происходила не отъ тѣсноты или неудобства мѣстности, но просто по одному капризу, по фантазіи хозяевъ аула. По той же фантазіи и непрорытыя канавкой мѣста для проѣзда во дворъ были оставлены тоже безъ всякаго соображенія, у кого гдѣ пришлось, почему выѣхать изъ лабиринта этихъ дворовъ незнакомому съ ихъ расположеніемъ довольно трудно, а ночью безъ проводника почти и не возможно.

Самые дома, т. е. землянки съ прилѣпленными къ нимъ загородами для скота, были у всѣхъ почти одинаковы и казались, за не многими исключеніями, вылитыми въ одну форму, почему аулъ, кромѣ беспорядочности своей распланировки поражалъ также и удивительнымъ однообразіемъ своихъ построекъ.

Домъ Шаукурбая Кискентаева, къ которому мы направились, состоялъ изъ большой, сажень въ 5 длиною и 3 шириною, но низенькой, аршина въ 4, землянки, съ плоской земляной же крышей, которая въ тоже время служила и поддоньемъ для беспорядочно смѣтаннаго (наваленнаго) рыхлаго скирда сквернаго сѣна. Толстая, аршина въ $1\frac{1}{4}$, стѣны землянки были сложены безъ всякой заливки изъ наръзанныхъ плугомъ длинныхъ пластовъ дерна и немножко смазаны снаружи и изнутри желтою глиною. Последнее указывало на большую домовитость хозяина, вѣрнѣе хозяйки землянки, такъ какъ большинство землянокъ въ аулѣ чернѣлись безъ всякой смазки. Изъ одной стѣны выглядывали на рѣчку 4 маленькихъ, покосившихся оконца, а на свободной отъ сѣна части плоской крыши вмѣсто трубы торчалъ небольшой разбитый горшокъ. Ко всѣмъ стѣнамъ землянки, кромѣ фасада, т. е. стѣны съ окнами, была пристроена низенькая, покрытая камышомъ, камышевая же загородъ — сѣни, служившая зимою и конюшней, и коровникомъ, и овчарней и вообще скотнымъ дворомъ. У богатыхъ загороди эти настолько обширны, что могутъ вмѣщать весь ихъ скотъ. Къ загороди примыкали длинные, низенькіе, рыхлые скирды сѣна. Въ зимнее время этими запасами сѣна распоряжается безконтрольно самъ скотъ. Киргизы должно быть еще не додумались и избѣгаютъ, по своей великой лѣни, задавать кормъ скоту въ опредѣленное время и въ опредѣленномъ количествѣ, почему запасъ сѣна быстро убываетъ. Сѣно не столько сѣдается, сколько сбивается подъ ноги и къ веснѣ скотъ обыкновенно голодаетъ, а если весна затянется, или же зима началась съ гололедицы и не дала стадамъ возможности тебеневать, т. е. вырывать изъ подъ снѣга оставшуюся отъ лѣта, сожженную солнцемъ, траву, скотъ нерѣдко отъ голодовки начинаетъ гибнуть. Поэтому правительство, чтобы приучить кочевниковъ къ экономіи и труду, обязало киргизъ дѣлать ежегодно общественные сѣнные запасы, благодаря чему теперь каждый аулъ имѣетъ на случай голода скирдовъ по 20 общеннаго сѣна, охраняемаго особыми смотрителями изъ киргизъ.

На обширномъ дворѣ Шаукурбая виднѣлись нѣсколько кучъ кизяка, т. е. измятаго и спрессованнаго въ старыхъ котлахъ или

спеціальныхъ для этого станкахъ навоза, служашаго единственнымъ топливомъ въ степи. Тутъ же стояли нѣсколько неуклюжихъ огромныхъ телѣгъ, съ наваленными на нихъ рѣшетками и кошмами отъ разобранныхъ на зиму лѣтнихъ жилищъ—кибитокъ. Кромѣ этого по двору были разбросаны бычьи ярма и сабаны, т. е. неуклюжіе, первобытные плуги и прочіе незатѣйливыя сельско-хозяйственныя орудія. Посреди двора были навалены кучи просяной соломы, такъ какъ тутъ же было и гумно, тутъ же находился и токъ, по которому, во время молотбы, нѣсколько паръ быковъ везятъ огромныя арбы съ наваленною на нихъ какою-либо тяжестью, чѣмъ и вымолачиваютъ просо.

Просо единственный злакъ, воздѣлываемый киргизами и родится здѣсь, несмотря на дурную обработку пашни, довольно хорошо, такъ что въ урожайные годы сбывается за баснословно дешевую цѣну, копѣекъ по 10 за пудъ. Необходимый на зиму и на сѣмена запасъ проса ссыпается, за неимѣніемъ амбаровъ, въ небольшія, вырытыя на дворѣ ямки и засыпается землею. По мѣрѣ надобности ямы эти разрываются и просо берется какъ изъ амбарнаго закрома.

Нашъ приходъ былъ возвѣщенъ громкимъ свирѣпымъ лаемъ трехъ огромныхъ лохматыхъ псовъ, которые скалили на насъ свои зубы и готовы были растерзать насъ. Выбѣжавшій на этотъ лай полураздѣтый, въ одной длинной ситцевой рубашкѣ и широкихъ ситцевыхъ же штанахъ, Шаукурбай избавилъ насъ отъ зубовъ вѣрныхъ его сторожей и повелъ насъ въ землянку. Черезъ узенькое отверстіе въ загороди, запираемое камышевымъ щитомъ, вошли мы въ темные сѣни, окружающіе землянку, какъ уже было упомянуто, съ трехъ сторонъ и служащіе въ бураны скотнымъ дворомъ. Натыкаясь на тоненькіе столбики, подпорки для крыши, полуощупью добрались мы до отворенной узенькой дверки въ землянку. Обширная землянка была раздѣлена на двѣ неровныхъ части длинною, узенькою печкой—подтопкомъ, сложеннымъ захожимъ татаринѣмъ изъ обломковъ кирпичей. Къ подтопку этому въ малой половинѣ землянки былъ приложенъ визенькій очагъ, съ вмазаннымъ въ него котломъ для варки пищи. Предъ очагомъ валялся кизякъ и куча камыша для топлива.

Въ этой же половинѣ на земляномъ, ничѣмъ не прикрытомъ полу, возились полуголыя чумазыя ребятишки и стояла низенькая лубочная люлька съ завернутымъ въ тряпье ребенкомъ. Тутъ же лежалъ больной теленокъ и два слѣпыхъ щенка, а въ углу, на изукрашенной рѣзьбой и костяной инкрустаціей подставкѣ, возвышался огромный кожаный, изъ цѣлой лошадиной шкуры, мѣшокъ-саба, для кумыза, изъ котораго торчала тоже изукрашенная рѣзьбой деревянная ручка огромной мѣшалки для кумыза. Саба эта никогда не моется, дабы наливаемое въ нее кобылье молоко поскорѣе закисло, и превращалось въ кумызъ и чтобы кумызъ былъ крѣпче. Около сабы, прямо на полу, были разбросаны огромные мѣдные тазы, деревянные чашки и разнообразные мѣдные кунганы, т. е. кувшины для омовеній съ высокими узенькими горлышками. По стѣнамъ были развѣшаны надутые бычьи пузыри, служащіе, когда высохнутъ, для наливація въ нихъ топленаго сала, а рядомъ съ ними нѣсколько небольшихъ кожанымъ мѣшковъ-турсуковъ для кумыза или айрана, т. е. кислаго коровьяго молока. На тоненькихъ жердочкахъ, перекадинахъ потолка, висѣли куски мяса, и растанутыя бараны и заячи кожи.

Около очага толпилось нѣсколько старыхъ и молодыхъ киргизокъ, одѣтыхъ въ такіе же точно халаты, какіе носятъ и мужчинами и въ сапоги съ высокими каблуками. Головы у старухъ были безобразно обернуты цѣлой грудой бѣлаго полотна; у молодыхъ же женщинъ повязка эта была нѣсколько видоизмѣнена. Она состояла изъ широкаго куска полотна, наброшеннаго на голову такъ, что покрывала плечи и горло и поверхъ этого куска голова кругомъ была обвязана, ввидѣ толстаго обруча, нѣсколько разъ сложеннымъ кускомъ полотна. Одна изъ женщинъ, забравъ рубаху и халатъ въ штаны, что въ степи не считается предосудительнымъ не только для женщинъ, но и для самыхъ модныхъ дѣвушекъ, толкла въ неуклюжей ступѣ поджареное просо, другая же сучила веретенномъ шерстяныя нитки. Хозяйская дочь, растянувъ шерстяную основу на вбитые въ земляной полъ колышки, ткала ковровую ленту для привязыванія кошемъ въ кибиткѣ. Около рукодѣльницы толпилось нѣсколько ея подругъ, одѣтыхъ въ бѣлыя рубахи и въ

легкіе зеленые бешметы. На ногахъ у всѣхъ были расшитыя сафьянныя ичиги въ красныхъ или зеленыхъ туфляхъ на высокихъ каблукахъ. Нѣкоторыя дѣвушки были повязаны по татарски красными платками, другія же щеголяли въ низенькихъ собольихъ шапочкахъ съ четырехъ - угольными бархатными яркоцвѣтными верхушками, расшитыми позументами и украшенными соколиными перьями и орлиными когтями. Въ ушахъ были вдѣты огромныя, въ четверть длиною, серебряныя, украшенныя камнями и караллами, некулюжія подвѣски, сильно оттягивающія мочки ушей. Длинные черные волосы на головѣ были у модницъ заплетены въ нѣсколько маленькихъ косичекъ, къ которымъ были привѣшены русскіе старинные рубли. Всѣ дѣвушки были, по стѣнному, довольно красивы. Бѣлыя, полныя лица украшались румянцемъ во всю щеку, черныя глазки сверкали изъ своихъ щелочекъ какъ звѣздочки и только нѣсколько выдающіяся скулы немного портили эти живыя личики.

Въ большой половинѣ землянки, куда насъ ввелъ Шаукурбай, во всю стѣну, отъ печки и до противоположной ей стѣны, тянулись низенькія, на полъ-аршина отъ земляного пола, нары, устланныя кошмами и коврами. Небольшая часть наръ у противоположной печкѣ стѣны была аккуратно заставлена до самаго камышеваго потолка, небольшими, обитыми жестью, сундуками и ярко закрашенными и украшенными рѣзбою ящиками. Нѣкоторые сундуки были въ чехлахъ изъ бѣлыхъ кошемъ, искусно обшитыхъ разными причудливыми фигурами изъ разноцвѣтнаго полусукна, при чемъ швы въ соединеніяхъ отдѣльныхъ фигуръ были закрыты тоненькими шерстяными снурочками. Поверхъ сундуковъ были сложены аккуратно свернутые ковры и ватныя одѣяла и все это завершалось подъ потолкомъ дюжиной большихъ подушекъ. По стѣнамъ висѣли чананы, т. е. кафтаны изъ грубой домашней шерстяной армячины, шубы и разноцвѣтные халаты. Тутъ же висѣли хомуты и нѣсколько сѣделъ съ широкой и плоской задней частью. Лука у нѣкоторыхъ сѣделъ, т. е. передняя часть сѣдла, были обиты чеканнымъ серебромъ, или же красиво изукрашены мѣдными гвоздиками. Къ бокамъ сѣделъ были привѣшены на тоненькихъ ремешкахъ тебенъки, т. е. ярко

раскрашенные, тисненные щиты изъ толстой кожи, служащiе для предохраненiя боковъ лошадей отъ тренiя подпругами и стременами. Въ землянкѣ было довольно тепло, но около оконъ сильно дуло и было весьма сыро. Хозяинъ усадилъ насъ на почетное мѣсто, т. е. на разостланное посреди наръ поверхъ кошемъ и ковровъ толстое шелковое одѣяло и подсунулъ намъ подъ спины огромныя подушки, самъ же усѣлся около насъ на коврѣ и ласково, съ оттѣнкомъ подобострастiя, заглядывалъ мнѣ въ глаза. Скоро въ землянку одинъ за другимъ полѣзли сосѣди Шаукурбая и безъ всякаго приглашенiя, снявъ калоши и малахаи, лезли на нары, и, начиная съ меня, со всѣми здоровались, т. е., произнося свое обычное „Аманъ ба“, сжимали поданную имъ руку между своими ладонями. Здороваясь съ хозяиномъ, пришедшiй прежде всего справился о здоровьѣ скота и затѣмъ уже о здоровьѣ семьи. На все это хозяинъ отвѣчалъ однимъ „Аллага шюкуръ“, т. е. слава Богу. Приходили также и женщины сосѣдки и прокричавъ присутствующимъ мужчинамъ „Аманъ“ проходили на женскую половину. Женщины въ степи ходятъ открытыми и мужчинъ ни въ чемъ не стѣсняются, и иной разъ даже въ глаза просмѣиваютъ вахлаковъ. Вообще несмотря на кажущуюся порабощенность, женщины въ степи отличаются большою самостоятельностью. Но за то на нихъ лежитъ и вся забота и трудъ по веденiю хозяйства. Онѣ и за скотомъ ухаживаютъ, и просо съ поля убираютъ, и шьютъ, зимою отгребаютъ снѣгъ отъ землянки, словомъ производятъ всевозможныя, иногда даже и не посильныя для женщины, тяжелыя работы. Лѣнныя мужья смотрятъ на своихъ, прибрѣтенныхъ за дорогой калымъ, женъ, какъ на рабочiй скотъ и какъ трутни пожираютъ все, женами прибрѣтаемое. Своимъ же дѣломъ, своею непремѣнною обязанностию, коренной киргизъ считаетъ только еженедѣльныя поѣздки на базаръ за дѣломъ ли, безъ дѣла ли, разъѣзды по гостямъ да приемъ гостей. Рѣдкiй изъ нихъ, и развѣ только бѣднякъ какой, весною кое-какъ взбороздитъ плохимъ сабанишкой съ полудесятины степи и, разбросавъ по навороченнымъ глыбамъ оставшееся отъ зимы просо, считаетъ свое дѣло конченнымъ, а себя страшно измученнымъ, хотя свою полудесятину пахалъ болѣе недѣли и

проводилъ въ день чуть ли не по бороздѣ. У богачей же весь засѣвъ, иногда довольно большой, исполняютъ обыкновенно наемные казаки или башкиры.

И. Х.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Путевой журналъ походной Благовѣщенской церкви священника Димитрія Хитрова съ 18 октября по 28 декабря 1854 года ¹⁾.

Съ нѣкотораго времени Походныя Церкви стали имѣть своихъ прихожанъ. Прихожане эти хотя и не имѣютъ постоянныхъ жилищъ, потому что они проводятъ жизнь бродячую и витаютъ тамъ, гдѣ могутъ снискать себѣ насущное пропитаніе, однакожъ такое распоряженіе начальства много облегчило и упростило дѣйствія Походнаго духовенства. Прежде ѣздили мы на удачу въ самые отдаленные отъ жительства пункты къ тунгусамъ, и случалось такъ, что, по совершеніи огромнаго пространства въ самую холодную пору, или не найдешь ни одного тунгуса, или съѣдешься у нихъ съ ихъ приходскимъ священникомъ. Теперь, увидѣвшись съ тунгусомъ, мы положительно можемъ знать, гдѣ можемъ встрѣтиться съ нимъ на будущій годъ, т. е. онъ назначаетъ мнѣ для свиданія урочное время и урочное мѣсто. А зная тунгусскія урочища и время ихъ собраній на оныхъ, можно, при благопріятномъ случаѣ, распорядиться отправкою туда провизіи по водѣ, и тѣмъ избѣжать излишнихъ расходовъ. Прежде мы и сами сплывали по Ленѣ въ лодкахъ почти до береговъ Ледовитаго моря, но, испытавши однажды несообразность такого плаванія съ цѣлю нашихъ путешествій, я рѣшился лучше употребить болѣе трудовъ, чѣмъ плыть напрасно по Ленѣ и не исправлять никакихъ требъ; потому что плавающие по Ленѣ торговцы (у которыхъ мы бываемъ пассажирами) имѣютъ обыкновеніе приставать къ берегу болѣе въ

¹⁾ Продолженіе. См. „Правосл. Благов.“ № 6, стр. 277—288.

ПРАВОСЛАВНЫЙ БЛАГОВѢСТНИКЪ.

Шѣдше научите всѣ ѡзыки, крѣщаще
ихъ во имя Оца и Сна и Свѣтаго Духа.
Матѣ. XXVIII, 19.

ИЗДАНИЕ

ПРАВОСЛАВНАГО МИССИОНЕРСКАГО ОБЩЕСТВА, состоящаго подъ АВГУСТѢЙШИМЪ
ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ
ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ВЕОДОРОВНЫ.

1904.

Годъ двѣнадцатый.

ТОМЪ I.

№ 8.

А П Р Ъ Л Ъ.

КНИЖКА ВТОРАЯ.

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ
ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКІЙ ПЕР., СОБ. Д.

1904

— Гарахты! отвѣчаетъ Астагу.

Путникамъ предложили чаю, сухарей; они не заставили себя просить. Я велѣлъ спросить про дорогу. Что-то долго говорили, потомъ слышу „Пирика уманъ“ ¹⁾. При хорошей дорогѣ можно было рассчитывать въ Косунай приѣхать до сумерекъ.

Свящ. Алексій Троицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О Киргизахъ Тургайской области ¹⁾.

(Изъ воспоминаній учителя Киргизской школы).

Скоро предъ нами явился огромный, никогда нечищенный самоваръ, съ закоптѣлымъ чайникомъ на верху. Хозяйка разостлала предъ нами грязную полосатую сарпинковую скатерть и поставила большой подносъ съ чайными чашками и деревянную чашку съ каймакомъ, т. е. густыми прокисшими сливками. Чай стала разливать хозяйская дочь, усѣвшаяся предъ нами безъ всякаго стѣсненія на карточки. Что бы оказать мнѣ вниманіе, она вздумала почище вытереть предназначенную для меня лучшую чашку: чистоплотница послунила свой палецъ и потерла имъ въ чашкѣ, затѣмъ вытерла ее концемъ разостланной предъ нами грязной скатерти. Чай киргизами употребляется исключительно „фамильный“ въ 1 р. 20 к. и въ 1 р. 40 к. фунтъ, о кирпичномъ же чаѣ въ степи я и не слыхивалъ. Но и хорошій чай, при киргизскомъ способѣ завариванія, отзывается прѣлыми вѣниками. Прежде чѣмъ ставить чайникъ на самоваръ, чай долгое время кипятится на кизякахъ и, конечно, теряетъ свой вкусъ и ароматъ. Чай пьется необыкновенно густымъ и всегда съ молокомъ. Но, вмѣсто забѣлки, красавица только макала деревянную ложку въ каймакъ и затѣмъ ополаскивала ее въ чаю, отчего чай получалъ

¹⁾ Хорошо ходить, ѣхать.

²⁾ Продолженіе. См. „Правос. Благов.“ № 7, стр. 320—331.

видъ помой, и благодаря солоноватой водѣ, былъ для меня почти противень. Однакожь гости ничего этого не замѣчали и скоро самоваръ пришлось добавить изъ грязнаго глиняннаго кувшина. Сахару всѣ, за исключеніемъ меня, получили по микроскопическому кусочку, но и это было уже рѣскошью, такъ какъ киргизы часто пьютъ чай и совсѣмъ безъ сахару, а иные часто обманываютъ себя, замѣняя сахаръ кусочками комовой соли.

Во время чаепитья, передъ мной поставили большую чашку съ баурсакомъ, т. е. изжаренными въ маслѣ шариками изъ пшеничной муки. Баурсакъ показался мнѣ довольно вкуснымъ и нѣсколько напоминалъ деревенскую масленичную стряпню. Пришлось мнѣ также отвѣдать и киргизскаго хлѣба, но ѣсть его я положительно не могъ. Это-прѣсныя лепешки изъ непросѣяной пшеничной, а часто и съ подмѣсю просяной, муки испеченныя, вѣрнѣе засушенныя, въ салѣ прямо на кизякахъ. Настоящаго хлѣба киргизы печь не умѣютъ, да и негдѣ его имъ и печь за отсутствіемъ по ауламъ русскихъ печей. Поэтому русскій пшеничный хлѣбъ, изрѣдка привозимый съ базара, считается лакомствомъ и дѣлится между всѣми семейными и пришедшими сосѣдями маленькими кусочками. За чаемъ бесѣда не умолкала, шутки такъ и сыпались со всѣхъ сторонъ. Носы присутствующихъ тоже имѣли долю въ угощеніи: послѣ каждой чашки они заряжались порядочною щепотью ѣдкаго „нособоя“, т. е. нюхательнаго табаку, бутылочка съ которылъ гуляла по всѣмъ гостямъ. Шаукурбай вздумалъ угостить насъ на славу. Заручившись моимъ согласіемъ провести у него вечеръ, онъ въ честь мою расщедрился задать „туй“, т. е. пиршество. Въ земляку ввели лучшаго барашка, поставили его предъ нами наминутку и тотчасъ же вывели, чтобы заколотъ. Нѣсколько женщинъ вышли обдѣлать и разнять тушку и скоро воротились съ кусками теплаго мяса, которое и сложили въ котель. Затѣмъ въ котель положили немного луку, комовой соли, налили немножко воды и плотно закрыли деревяннымъ кружкомъ. Затопивъ очагъ, хозяйка замѣсила тѣсто и начала катать тоненькія лепешки, которыя, когда мясо сварилось, тоже пустила въ котель. Мясо варилось довольно долго и въ этотъ промежутокъ времени насъ нѣсколько разъ угощали кумызомъ. У богача

Шаукурбая, не смотря на осень, кумызъ еще не переводился. Кумызъ былъ весьма крѣпокъ, въ чашкѣ шипѣлъ и пѣнился и былъ весьма вкусенъ. Даже я, непривычной еще къ кумызу, съ удовольствіемъ выпилъ его двѣ деревянныя чашки; но у меня скоро стала немножко кружиться голова, такъ какъ кумызъ дѣйствуетъ нѣсколько опьяняюще, въ немъ до 4° алкоголя. Напитокъ этотъ въ лѣтніе мѣсяцы дѣйствуетъ на всѣхъ, употребляющихъ его, оживляющимъ образомъ. Отощавшіе и похудѣвшіе за зиму киргизы лѣтомъ отъ кумыса и айрана, который тоже весьма питателенъ, быстро поправляются и толстѣютъ. Даже и при умѣренномъ потребленіи кумыза, четверти по полторы въ день, здоровый человѣкъ можетъ за лѣто прибавиться въ вѣсѣ фунтовъ на 30 на 40.

Зачуявъ, что у Шаукурбая туй, сосѣди безъ всякаго приглашенія полезли въ землянку и безцеремонно присаживались кто гдѣ попало. Пришелъ также, должно быть по особому приглашенію, и мѣстный домбраша, т. е. пѣвецъ и игрокъ на домбрѣ и появленіе его было встрѣчено родостнымъ крикомъ. Хозяинъ принялъ его съ честію и усадилъ рядомъ со мною. Наговоривъ всѣмъ кучу витѣватыхъ привѣтствій, пѣвецъ началъ перебирать струны на своей домбрѣ. Домбра киргизская—таже балалайка, но только съ длинной декой и всего о двухъ струнахъ. Игрокъ, какъ бы нехотя и шутя, сначала съигралъ нѣсколько русскихъ плясовыхъ пѣсень и даже польку, а затѣмъ, вперивши глаза въ потолокъ, вдохновившись, затянулъ, высокимъ теноромъ, вѣрнѣе фальцетомъ, повѣсть о какой-то шелковолосой красавицѣ и могучемъ, непобѣдимомъ батырѣ Илентаѣ. Мелодія его пѣсни была чрезвычайно проста, однообразна и уныла и весьма утомительна для непривычнаго уха. Весь мотивъ состоялъ въ томъ, что пѣвецъ, акомпанируя себѣ на домбрѣ, долго-долго, не измѣняя ноты, тянулъ первую половину, а часто только первое слово и даже и первый слогъ стиха, конецъ же произносилъ рѣчитативомъ съ неожиданными переливами—завываніями. Всѣ слушали пѣвца съ затаеннымъ дыханіемъ и только изрѣдка, у наибольше восторженныхъ слушателей, невольно вырывались слова ободренія и поощренія, вроде „бали“ или „бара кильды“! Пѣвецъ

пѣлъ свою импровизацію, однакожь въ его пѣніи слышался порою и размѣръ и даже рима. Когда фантазія истощилась и голосъ сталъ прерываться, пѣвецъ умолкъ и началъ вытирать струившійся по лицу его потъ. Единодушнымъ одобреніемъ его пѣнія было дружное „бара кильды“ и „абданъ жяксы“, т. е. неподражаемо, превосходно! Когда пѣвецъ немножко отдохнулъ и промочилъ горло чашкой кумыса, хозяинъ попросилъ его спѣть хвалу гостямъ. Домбашъ взглянулъ на меня и началъ импровизировать хвалебную оду въ честь меня, при чемъ мотивъ, изъ протяжнаго, монотоннаго, измѣнилъ на болѣе живой. Каждый куплетъ сопровождался припѣвомъ „ой, учитель“. Импровизація его, какъ мнѣ перевели, состояла приблизительно изъ слѣдующихъ мыслей.

„Какъ я простой киргизъ, рѣшусь воспѣть сидящаго съ нами молодого, но не уступающаго въ мудрости старцамъ, нашего учителя! Проведя многіе годы за труднымъ изученіемъ разныхъ наукъ, набравшись мудрости отъ мудрыхъ, онъ не пожалѣлъ оставить свою родину, своихъ отца и мать и пріѣхалъ за многія версты къ намъ, темнымъ киргизамъ! Онъ здѣсь одинъ. Конечно ему скучно, ему грустно. Замѣнимъ же ему его родину. Будемъ любить его, какъ родного и помогать ему во всемъ, чтобы онъ не стремился отъ насъ, но остался съ нами навсегда!“ и т. д. По обычаю нужно было вознаградить пѣвца за его оду и я, не имѣя ничего лишняго, отдалъ ему бывшій на мнѣ широкій кожаный кушакъ. Всѣ одобрили мой поступокъ, такъ какъ киргизы для своихъ пѣвцовъ ничего не пожалѣютъ и даже самые скупые богачи дѣлаются къ нимъ щедрыми, угощаютъ ихъ и одариваютъ дорогими халатами и лошадьми. Разсказавъ небольшую побасенку, неутомимый пѣвецъ спѣлъ игривымъ напѣвомъ еще небольшую импровизированную сатиру на сидѣвшаго въ углу Киргиза Жакуба, на счетъ его семейныхъ дѣлъ. Жакубъ, выслушавъ эти оскорбительные намеки, не особенно обидѣлся и ограничился только тѣмъ, что обругалъ пѣвца словомъ „Кяфръ“, т. е. невѣрный. Присутствующіе тоже подтрунивали надъ Жакубомъ, при чемъ въ выраженіяхъ не особенно стѣснялись и не обращали никакого вниманія на женщинъ и дѣвушекъ. Кстати здѣсь замѣтить,

что очень дурно вліяетъ на нравственность степной молодежи существующая въ степи система брака. Каждый киргизъ буквально покупаетъ себѣ жену, при чемъ уплата калыма ввиду дороговизны невѣсты производится въ разсрочку, въ теченіе многихъ лѣтъ. Нерѣдко, чуть ли не съ колыбели дѣвочка просватывается, тоже только что появившемуся на свѣтъ, жениху и покуда подрастаетъ, за нее исподволь выплачивается условленный калымъ. Не успѣетъ дѣвочка вырасти и физически развиваться, какъ является въ аулъ, тоже несовершеннолѣтній еще, женихъ ея. Заботливымъ отцомъ мальчика уже выплачена къ этому времени половина калыма и, слѣдовательно, юный женихъ, по степному обычаю, имѣетъ нѣкоторое право на свою невѣсту. До свадьбы же еще далеко, такъ какъ невѣсту не отдадутъ жениху пока не будетъ выплаченъ окончательно весь калымъ. Калымъ же обыкновенно бываетъ огромный: не рѣдко за хорошую или вѣрнѣе породистую дѣвушку, дочь богатыхъ родителей, уплачивается женихомъ болѣе 1000 рублей. Уплата это производится обыкновенно рогатымъ скотомъ и лошадьми, по мѣрѣ приплода ихъ въ табунахъ отца жениха и слѣдовательно до полной уплаты проходить еще много лѣтъ. А невѣста живетъ это время ни дѣвушкой, ни женщиной...

Было уже довольно поздно, когда, наконецъ, поспѣло мясо, варившееся болѣе трѣхъ часовъ. Пріятный запахъ поспѣвшаго махапа, т. е. мяса, мгновенно оживилъ дремавшихъ гостей. Приготовляясь къ предстоящему угощенію, всѣ съ оживленіемъ начали мыть руки горячей водой, которую всѣмъ, начиная съ меня, подавалъ изъ кунгана надъ мѣднымъ тазомъ старшій сынъ хозяина. Вытирать же руки подали такую грязную тряпицу, такъ называемый „суйлыкъ урамалъ“ т. е. полотенце для воды, что я побрезговалъ прикоснуться къ ней и вытеръ руки носовымъ платкомъ. Умывши руки, гости усѣлись въ два круга и тотчасъ принесли и поставили предъ ними двѣ огромные деревянные чашки съ горячимъ мясомъ. Въ чашки эти было сложено безъ остатка все свареное мясо, т. е. немного ни мало цѣлый барашекъ, пудовъ около трехъ вѣсомъ. Въ чашкѣ поставленной въ нашъ кругъ, поверхъ мяса красовалась баранья

голова. Это указывало на то, что блюдо это почетное и предназначается для меня, какъ главнаго гостя. Я взялъ предложенную мнѣ голову и, слѣдуя степному этикету, съѣлъ отъ нея ухо и глазъ, остатки же, т. е. всю голову передалъ, въ знакъ особаго уваженія, хозяину. Тотъ принялъ даръ съ почтеніемъ и съ чувствомъ собственнаго достоинства и поглодавъ немного, передалъ на женскую половину. Около нашей чашки кромѣ меня и Д.....а сидѣло еще четверо почетныхъ киргизъ, между которыми былъ и пѣвецъ. У другой же чашки сидѣло человѣкъ 8 гостей и кромѣ того вся землянка была наполнена цѣлою толпою не удостоенныхъ приглашенія къ столу, неважныхъ посѣтителей. Послѣдніе съ завистью поглядывали на возсѣдающихъ, вокругъ чашекъ. Искрошивши мясо собственными ножами, гости въ глубокомъ молчаніи принялись за ѣду. Мясо и курдючное сало, съ кусочками разопрѣвшихъ въ котлѣ прѣсныхъ лепешекъ, отправлялось въ ротъ прямо пятью пальцами, почему кушанье по этому способу называется въ шутку „бишъ бармакъ“, т. е. пять пальцевъ. Вся землянка наполнилась чавканьемъ, сопѣньемъ и шелканьемъ зубовъ, такъ какъ, во время крошенія мяса, мосолки были розданы и всѣмъ присутствующимъ и слѣдовательно всѣ, въ большей или меньшей степени, принимали участіе въ трапезѣ. Мнѣ тоже пришлось пустить въ ходъ свои пальцы, но безъ привычки дѣло у меня не клеилось, и я почти не могъ ѣсть. Къ тому же, при видѣ необыкновенной неряшливости моихъ сотрапезниковъ, у которыхъ сало такъ и текло по неопрятнымъ рукамъ, угощенье и совѣмъ плохо шло въ горло и едва успѣлъ я взять изъ чашки кусочка два, какъ она оказалась почти пустою. Въ нѣсколько минутъ, недостаточныхъ даже чтобы скушать тарелочку супу, азіаты успѣли препроводить въ свои вмѣстительные желудки фунтовъ по 6 баранины. Конечно при такой быстротѣ истребленія столь огромнаго количества мяса, гости проявили необыкновенную, для полусонныхъ степняковъ, живость и такое усердіе, что обильный потъ выступалъ на ихъ раскраснѣвшихся и сіящихъ, отъ наслажденія ѣдой, лицахъ. Несомнѣнно, что они не преминули бы опорожнить обѣ чашки и дочиста, но это было бы въ высшей степени недели-

катно. Необходимо было, чтобы от трапезы получили хотя по немногу и всѣ присутствующіе въ землянкѣ. Нужно было еще исполнить древній степной обычай раздачи асаты, т. е. угостить всѣхъ мясомъ прямо въ ротъ. Исполнить этотъ обычай долженъ былъ, въ качествѣ почетнаго гостя, я. Но, такъ какъ пальцы мои еще не были изощрены въ такомъ странномъ способѣ кормленія гостей, я передалъ свое право сосѣду, сѣдобородому старцу. Онъ съ важностію и торжественно приступилъ къ исполненію завѣщаннаго предками обычая. Набравъ полную горсть мяса и сала, онъ подозвалъ хозяина и тотъ не замедлилъ почтительно подползти къ нему и старикъ затолкнулъ въ широко раскрытый ротъ Маукурбая всю приготовленную горсть мяса. Такъ почетно и щедро угощенный, хозяинъ зажалъ ротъ ладонью, чтобы угощеніе не вывалилось, и задыхаясь и сапя, началъ торопливо пережевывать и по частичкамъ проглатывать. Такимъ же образомъ, по вызову угощающаго, подползали за полученіемъ асаты и всѣ присутствующіе въ землянкѣ, кромѣ женщинъ и всѣ получили свою порцію прямо въ ротъ. При этомъ, какъ и вездѣ водится, бѣдняки были обдѣлены. вмѣсто пѣлой горсти мяса, они получили только по нѣскольку кусочковъ, изъ за которыхъ высидѣли въ землянкѣ нѣсколько часовъ; нѣкоторые же, изъ болѣе молодыхъ, вмѣсто мяса получили только по нѣскольку кусочковъ раскисшей лепешки. Послѣ раздачи асаты, въ чашкахъ осталось всего нѣсколько кусочковъ, предназначавшихся, по этикету, женщинамъ. Оставить въ чашкѣ хотя кусочекъ мяса по степному обычаю необходимо, дабы не сконфузить гостепріимнаго хозяина, не показать, что мяса не хватило. Во время раздачи асаты всѣ угощенные, къ удивленію моему, безъ всякаго стѣсненія, начали производить горломъ отвратительные звуки отрыжки. Своей отрыжкой гости какъ бы благодарили хозяина за угощеніе, показывая, что угощеніе было чрезвычайно обильно и всѣ, поэтому, сыты, какъ говорится, по горло. На самомъ же дѣлѣ гости были едва ли въ половину сыты, такъ какъ для того, чтобы накормить киргиза досыта нужно фунтовъ десять баранины. Въ степи есть артисты, пожирающіе за одинъ присѣсть, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, по цѣлому небольшому

барашку, т. е. фунтовъ по 20 мяса и запивающіе эту волчью порцію десятками чашекъ кумыза. Обжорство въ степи въ большой чести и имъ можно даже прославиться. Нерѣдко устраиваются даже состязанія въ обжорствѣ, держутся пари и зрители на этотъ необыкновенный турниръ, на этихъ рыцарей обжорства смотреть не съ меньшимъ интересомъ, не съ меньшимъ восторгомъ, чѣмъ англичане на своихъ любимыхъ боксеровъ, или велосипедисты на своихъ прославленныхъ чемпионовъ.

И. Х.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Мусульманская пропаганда среди киргизовъ Букеевской Орды.

Меньше столѣтія тому назадъ, почти все киргизы были язычники-шаманисты, и явись тогда сюда православный миссіонеръ—могли бы быть не только единичные случаи крещенія, но даже массовыя обращенія. Совсѣмъ иное представляетъ изъ себя степь теперь, когда наѣхали въ нее фанатики—татары, явившись здѣсь главными учителями киргизовъ въ области религіи, хотя въ то же время эти учителя пользуются всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы обмануть простодушнаго и довѣрчиваго киргиза, къ чему чаще всего прибѣгаютъ они при продажѣ киргизамъ разныхъ религіозныхъ книгъ; — за какую-нибудь небольшую книженку, стоящую 1 ¹/₄—2 копѣйки, татаринъ запрашиваетъ 15—20 копѣекъ и если киргизъ начнетъ просить уступить, то татаринъ внушительно говоритъ ему, что въ законѣ не велѣно торговаться на религіозныя книги, такъ какъ каждая мусульманская книга есть списокъ съ небесной скрижали (лаухуль-махфуз): если-де ты и заплатишь что лишнее, это причтется за великую милость предъ Богомъ; сродный по религіи татарину киргизъ довѣряетъ ему вполнѣ. Чрезъ распространеніе массами среди киргизъ титарами мусульманскихъ религіозныхъ книгъ пропаганда ислама идетъ въ степи впередъ быстрыми шагами. Меня пора-

ПРАВОСЛАВНЫЙ БЛАГОВѢСТНИКЪ.

ШЕДШЕ научите всѣ ѡзыки, крѣща
ихъ во имя Оца и Сна и Свѣтаго Духа.
Матѣ. XXVIII, 19.

ИЗДАНИЕ

ПРАВОСЛАВНАГО МИССИОНЕРСКАГО ОБЩЕСТВА, состоящаго подъ АВГУСТѢЙШИМЪ
ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ
ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ѲЕОДОРОВНЫ.

1904.

Годъ двѣнадцатый.

ТОМЪ II.

№ 9.

М А Й.

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ
ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКИЙ ПЕР., СОБ. Д.

1904

нулись назадъ, воодушевленные мыслию работать для единого методизма въ Корей.

Въ текущемъ году методисты утвердились въ Chai-Chu, на каковой пунктъ возлагаются большія надежды.

Иеромонахъ Павелъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О Киргизахъ Тургайской области¹⁾.

(Изъ воспоминаній учителя Киргизской школы).

Когда чашки съ остатками мяса были убраны, намъ дали вытереть сальныя руки такую отвратительно грязную липкую тряпицу, такъ называемый „майлыкъ урамалъ“, т. е. сальное полотенце, къ которой прямо таки противно было прикоснуться. Вѣроятно, ученый бактериологъ нашелъ бы на этой тряпицѣ представителей всѣхъ извѣстныхъ ученому міру бациллъ и даже прославился бы, можетъ быть, открытіемъ еще и неизвѣстныхъ никому разновидностей. Полотенце это никогда не моется и чѣмъ оно грязнѣе, тѣмъ болѣе чести хозяину: грязь и сало на полотенцѣ свидѣтельствуютъ, что оно часто бываетъ въ употребленіи и что мясо у хозяина никогда не переводится и на пріемъ и угощеніе гостей онъ не скупится. Передъ тѣмъ, какъ вытереть свои засаленныя до нельзя руки объ эту тряпицу, нѣкоторые, должно быть самые практичныя, по моему же самые неряшливыя, смазывали ими свои ичиги и сапоги и потомъ уже вытирали руки о тряпицу.

Вообще всѣ киргизы страшнѣйшіе неряхи и враги всякой чистоплотности. Они даже и лицо рѣдко умываютъ, о банѣ же или купаньѣ всю жизнь и понятія не имѣютъ. Бѣлье смѣняють чрезвычайно рѣдко, а нѣкоторые такъ даже и никогда не смѣняють, носятъ бѣлье до тѣхъ поръ, пока оно не свалится съ плечъ. Халаты на нихъ тоже до послѣдней степени грязныя,

¹⁾ Продолженіе. См. „Правос. Благов.“ № 8, стр. 359—366.

засаленные, а такъ какъ они по лѣни своей спать нерѣдко въ томъ, въ чемъ и днемъ ходятъ, т. е. не снимая халата, то всѣ одѣяла и подушки ихъ тоже до крайности загрязнены и засалены. По причинѣ такой неряшливости, такой вѣчной нечистоты, киргизы положительно поѣдаются извѣстными отвратительными насѣкомыми. Казаки говорятъ, что вымой киргиза хотя въ семи баняхъ, посади его въ стеклянный ящикъ и все равно онъ обовшивѣетъ, такъ какъ у киргиза насѣкомыя эти должно быть прямо изъ кожи вылѣзаютъ. По причинѣ той же неряшливости, вѣчной грязи и обычаю ѣсть руками изъ общей чашки, чесотка, и всевозможныя накожныя болѣзни весьма распространены въ степи. Нечистоплотность и легкость нравовъ способствовали и тому, что страшный бичъ человѣчества, всеразрушающій сифилисъ тоже свилъ въ степи свое гнѣздо. Всѣ киргизы почти поголовно заражены этою ужасною болѣзнію или же страдаютъ послѣдствіями ея. Сухоногихъ, сухорукихъ, покрытыхъ язвами и наростами можно встрѣтить въ каждомъ аулѣ. Бѣдные кочевники положительно гниютъ, сами того не сознавая, и гибнутъ безъ всякой медицинской помощи. Ихъ доморощенные баксы, т. е. колдуны и даргеры-лѣкаря, какъ и вездѣ, только безсознательныя шарлатаны и отъ ихъ глупаго лѣченія всякая болѣзнь обыкновенно дѣлается еще ужаснѣе и неизлѣчимѣе. Огромныя пріемы ртути, прописываемыя этими самозванными эскулапами, вмѣсто исцѣленія отъ ужасныхъ недуговъ, многихъ отправляютъ прямо на тотъ свѣтъ. Кромѣ бакса и даргеровъ лѣчатъ въ степи также и муллы татарскіе, но ихъ специальность по преимуществу исцѣленіе отъ безплодія, весьма обычнаго у богатыхъ киргизокъ. Эти тактичныя гинекологи лѣчатъ больше невинными средствами, нашептываніемъ, выписками изъ корана, массажемъ и т. п. Стараются также избавиться отъ болѣзней и разными заклинаніями, кропленіемъ и питьемъ крови изъ только что зарѣзаннаго барана, окуриваніями больного и такъ называемыми относами. Относъ заключается, какъ мнѣ удалось подмѣтить, приблизительно въ слѣдующемъ: больного или больную вывозятъ послѣ заката солнца на раздорожицу и здѣсь отпугиваютъ болѣзнь горящими головешками, которыми нѣсколько разъ обво-

дять вокруг головы. На мѣстѣ лѣченія бросаютъ собачью голову и лошадиный черепъ. Подобное лѣченіе стараются про-извести передъ проѣздомъ по дорогѣ злѣйшаго врага или хотя иноплеменника, такъ какъ вѣрятъ, что болѣзнь перейдетъ послѣ заклинаній на перваго проѣхавшаго по дорогѣ. Конечно, всѣ эти и другіе многоразличныя, этимъ же подобные, способы лѣ-ченія не достигаютъ цѣли и болѣзни въ степи съ каждымъ го-домъ увеличиваются. И только въ послѣднее время, лѣтъ 7 тому назадъ, благодѣтельное областное правленіе, вникнувъ въ бѣд-ственное положеніе киргизъ, надумало положить начало къ ихъ спасенію, назначивъ въ степь десятка съ два фельдшеровъ. Къ сожалѣнію, это ограниченное число медицинскаго персонала въ первое время не только не увеличивалось, но скоро, по непо-нятнымъ соображеніямъ властей, стало замѣтно сокращаться, такъ что бѣдныхъ киргизъ только подражали медицинскою по-мощью. Какъ мнѣ помнится, каждому фельдшеру былъ отведенъ участокъ чуть ли не въ полцарства, верстъ 200 въ длину и верстъ 100 шириной, съ населеніемъ тысячъ въ 40, разбросан-нымъ при томъ по цѣлой сотнѣ ауловъ. Гдѣ же тутъ справиться одному фельдшеру, когда все населеніе почти поголовно больно, а у фельдшера и медикаментовъ-то всего небольшой ящичекъ... Поневолѣ вся дѣятельность фельдшеровъ скоро свелась лишь къ наблюденію за подвѣдомыми имъ оспенниками изъ киргизъ, писанію отчетовъ и къ бессмысленному и бесполезному выжида-нію по цѣлымъ мѣсяцамъ на указанномъ мѣстѣ ревизіи лечеб-наго начальства. Не знаю въ какомъ положеніи это дѣло те-перь, я уже пять лѣтъ выѣхалъ изъ степи. Дай-то Богъ, чтобы оно было въ лучшемъ положеніи!

Послѣ угощенія мясомъ, обнесли насъ еще и сурпой, т. е. бульономъ отъ свареннаго мяса. Сурпа эта, не смотря на ея грязноватый, непривлекательный видъ, была довольно вкусна отъ крѣпкаго навара и каждый пилъ ее по очереди изъ общей чашки сколько хотѣлъ. Затѣмъ, какъ и передъ ѣдой, подали горячей воды умыть руки, при чемъ всѣ сочли обязанностью пополоскать и во рту. Руки и губы вытерли прежнимъ грязнымъ „суйлыкъ урамаломъ“, т. е. полотенцемъ для воды. Затѣмъ пѣвецъ про-

чель бату, т. е. импровизированную молитву на киргизскомъ языкѣ, въ которой благодарилъ щедрого хозяина за обильное угощеніе и призывалъ на его голову благословеніе Божіе, а на голову враговъ его проклятіе и всякія бѣдствія. Молитва кончилась обычнымъ „Аллахъ Акбаръ“ и всѣ взмахнули предъ бородами сложенными ладонями и поблагодарили хозяина дружнымъ „Аллари за булсынъ“, пожелали ему благословенія Божія.

Послѣ баты гости стали расходиться. Пошли и мы съ Д.....ъ. Хозяинъ предлагалъ было довести насъ на лошадахъ, но мы поблагодарили и предпочли идти пѣшкомъ. По пути съ нами пошелъ и пѣвецъ и дорогою, между прочимъ, показывая на сіяющую на ясномъ небѣ звѣзду, разсказалъ слѣдующую легенду. Нѣкогда у Султана Темиръ Казыка—буквально желѣзный Коль, подъ именемъ котораго слыветъ въ степи полярная звѣзда,—была прекрасная дочь „жарыкъ жулдузъ“, (свѣтлая звѣздочка). И, вотъ, семь богатырей, сговорившись между собою, порѣшили похитить красавицу. Воровство это не удалось, такъ какъ мудрый и зоркій Темиръ Казыкъ провѣдалъ о намѣреніи богатырей и приказалъ дочкѣ гулять по небу только тогда, когда „жицы каракъ“, т. е. семь воровъ, какъ назвалъ неудачливыхъ богатырей грозный султанъ, будутъ утомленные бесполезными поисками уходить съ неба на покой. Съ тѣхъ поръ ясная звѣздочка, (должно быть Венера), выходитъ на небо только утромъ да вечеромъ, почему и стала любимой звѣздой Караванъ башей (начальниковъ каравановъ), назвавшихъ ее своею звѣздою „Караванъ жюлдузъ“—товарищъ Каравана, ибо съ появленіемъ этой звѣздочки на небѣ связано или выступленіе Каравана въ путь, или же привалъ его на ночлегъ послѣ утомительнаго дневнаго пути.

Дней черезъ пять послѣ посѣщенія Шаукурбая, насъ съ Д.....ъ пригласилъ къ себѣ Ахунъ. Мулла жилъ въ небольшомъ деревянномъ домикѣ, устроенномъ на татарскій манеръ. Въ противоположность киргизскому обычаю, женщины въ домѣ ахуна ходили съ покрытыми лицами и все время прятались отъ насъ за занавѣскою. Однакожъ этотъ татарскій обычай женщины исполняли только тогда, когда мулла былъ дома и были увѣрены,

что онъ слѣдитъ за ними. Угощеніе у муллы состояло въ томъ, что послѣ чая съ баурсакомъ, кусками топленого масла и ремшикомъ, т. е. сладкимъ до приторности киргизскимъ сырникомъ, подали намъ чашку съ кувардакомъ, т. е. съ жирными мелкими кусочками баранины, изжаренными въ котлѣ, въ салѣ. За кувардакомъ былъ поданъ въ огромной чашкѣ вкусный пловъ, т. е. сваренный съ саломъ, кусочками мяса и чернымъ кишмишемъ рисъ. Кушанье это своимъ видомъ и вкусомъ напоминало нѣсколько кутю. Въ заключеніе насъ угостили еще шубатомъ, т. е. кислымъ верблюжьимъ молокомъ, весьма пріятнымъ на вкусъ и производящимъ, подобно кумызу, легкое опьяненіе и головную боль.

Вообще по гостямъ въ первое время, да и потомъ, меня совсѣмъ затаскали, такъ какъ всѣ киргизы, въ большинствѣ случаевъ, безкорыстно гостепріимны. Во время частыхъ поѣздокъ по степи, совершенно у незнакомыхъ киргизъ я находилъ всегда самый радушный пріемъ. Состоятельные хозяева никогда не отпускали меня безъ угощенія свѣжимъ и исключительно ради меня заколотыъ барашкомъ. Мясо заблаговременно заготовленное, а таковое у состоятельнаго киргиза всегда имѣется въ изобиліи, не считается приличнымъ угощеніемъ и для пріѣзжаго гостя всегда рѣжется свѣжій барашекъ. Главный запасъ мяса на всю зиму киргизы дѣлаютъ обыкновенно во время „согума“, т. е. перваго выпаденія снѣга, во время первыхъ заморозковъ. Во время согума каждый хозяинъ рѣжетъ, по достатку глядя, нѣсколько быковъ, верблюдовъ, жеребятъ и даже лошадей. Степь въ эти дни наполняется чуткими до наживы мелкими торговцами татарами, которые умѣло вымѣниваютъ на чай, сахаръ, на гнилой ситецъ, керосинъ и т. п. всѣ тысячи согумныхъ кожъ и потомъ перепродаютъ ихъ на кожевенные заводы съ „бульна хорошимъ файца“, т. е. съ хорошимъ барышемъ. Во время согума богачи на всю зиму и даже и на лѣто коптятъ безобразные „казъ“, т. е. колбасу изъ жирнаго лошадинаго мяса, съ воткнутыми въ средину жирными ребрами или ногами жеребенка. Эта приторная, твердая, съ трудомъ пережевываемая колбаса степными гастрономами считается неподражаемымъ деликатесомъ,

и нѣжною и пріятною и возбуждающею аппетитъ и пр. Бѣднякамъ и согумъ ничего не приносить съ собою и они весьма рѣдко видать у себя столь любимое кочевниками мясо.

Бѣдныя киргизскія семьи круглый годъ питаются главнымъ образомъ „кузею“, т. е. жидкой просяной кашею, иногда немного забѣленной молокомъ. Кузи иной разъ замѣняется сухимъ, жаренымъ въ салѣ, пшеномъ, при чемъ такое пшено считается чуть ли не лакомымъ блюдомъ, нетребовательные полудикари находятъ его довольно вкуснымъ. Если случится бѣдному хозину раздобыться мучицей, то она расходуется чуть ли не щепотями. Изъ нея варится главнымъ образомъ жидкая салма, похожая скорѣе на болтушку. Нѣкоторые, позажиточнѣе, разнообразятъ свое скудное питаніе „крутомъ“, т. е. твердымъ, какъ камень, овечьимъ сыромъ. Крутъ для употребленія разводится въ горячей водѣ и приготовленный такимъ образомъ напитокъ не особенно вкусенъ, нѣсколько кисловатъ и также, какъ и кумызъ, производитъ легкую головную боль и кромѣ того весьма сильно закрѣпляетъ, вяжетъ желудокъ. Лѣтомъ всю эту незатѣйливую пищу у бѣдняковъ замѣняетъ айранъ, т. е. кислое коровье молоко, въ жаркіе дни смѣшиваемое съ водою. Айранъ всѣ пьютъ въ огромномъ количествѣ и отъ него также быстро жирѣютъ, какъ жирѣютъ богачи отъ мяса и кумыза. Вообще лѣтомъ въ степи всѣ, отъ человѣка до скота, благоденствуютъ въ отношеніи питанія и незамѣтно запасаются подкожнымъ жиромъ, этимъ жизненнымъ запасомъ, на долгую зимнюю голодовку. Особенно замѣтно это у верблюдовъ, которые, какъ на практикѣ и научно доказано, могутъ существовать на счетъ жира въ горбахъ весьма долгое время. Опорожненные за зиму висящіе по бокамъ какъ пустые пѣшки, огромные горбы верблюдовъ за лѣто снова заполняются жиромъ, выпрямляются и измученныя зимней голодовкой животныя оживаютъ, дѣлаются веселыми, бодрыми и сильными.

И. Х.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРАВОСЛАВНЫЙ БЛАГОВѢСТНИКЪ.

ШЕДШЕ научите всѣхъ языки, крѣща
ихъ во имя Оца и Сѣна и Сѣаго Дѣа.
Матѣ. XXVIII, 19.

ИЗДАНИЕ

ПРАВОСЛАВНАГО МИССИОНЕРСКАГО ОБЩЕСТВА, состоящаго подѣ АВГУСТѢЙШИМЪ
ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ
ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ѢЕОДОРОВНЫ.

1904.

Годъ двѣнадцатый.

ТОМЪ II.

№ 11.

І Ю Н Ъ.

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ
ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКІЙ ПЕР., СОБ. Д.

1904

могутъ отстать отъ него и усвоить лучшій и болѣе легкій способъ посѣва.

Е. Х.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О Киргизахъ Тургайской области¹⁾.

(Изъ воспоминаній учителя Киргизской школы).

10. Зима и лѣто въ степи.—Лѣтнее жилище киргизъ—кибитка.— Степной праздникъ.

Зима въ степи мнѣ показалась не особенно суровой, но за то удивила своими неожиданными, быстрыми перемѣнами температуры и частыми и продолжительными, отъ постоянно дующихъ вѣтровъ, страшными буранами-мятелями. Школа моя въ первый же начавшійся буранъ въ одну ночь была буквально завалена снѣгомъ. Ѣздить пришлось чрезъ заборъ, а по двору къ конюшнѣ, къ банѣ и амбару нужно было прокопать узенькіе тоннели. О киргизскихъ же землянкахъ и говорить нечего. Ихъ положительно сравнило съ окружающимъ снѣжнымъ полемъ и только по дымочку можно было догадаться, гдѣ есть жилье. Поэтому въ зимнее время ѣзда по степи, для незнакомыхъ съ нею, весьма затруднительна, и, послѣ бурановъ, когда всѣ дорожки замѣтены и по отсутствію вѣхъ на нихъ совершенно затеряны, прямо таки невозможна. Степь въ это время уподобляется безпредѣльному морю, а путникъ, незнакомый съ нею, безъ надежнаго проводника подобенъ кораблю безъ компаса среди океана. Трудно лѣнливымъ киргизамъ зимою, но еще труднѣе ихъ бѣдному скоту, особенно если зима началась гололедицей, отчего тебеневка стала весьма затруднительной и даже невозможной. Бѣдныя лошади старательно разгребаютъ передними ногами аршинный слой снѣга въ надеждѣ добраться до прошлогодней травки, но ледяной покровъ препятствуетъ достать эту

¹⁾ Продолженіе. См. „Правосл. Благов.“ № 9, стр. 21 – 26.

траву, приводится пробивать копытами и его, такъ что это скудное пропитаніе достается съ трудомъ. Ноги у бѣдныхъ животныхъ разбаливаются, покрываются ранами. За лошадьми идетъ рогатый скотъ, а за нимъ безпомощныя овечки. Къ вечеру все голодное стадо бредетъ къ аулу, такъ какъ, въ опасеніи бурана и враговъ своихъ степныхъ волковъ, боится остаться вдали отъ человѣка. Тебеневать же, т. е. добывать кормъ изъ подъ снѣга, бѣднымъ животнымъ необходимо, такъ какъ лѣнливымъ хозяиномъ сѣна почти не запасено, а если и было запасено, то еще въ началѣ зимы, по безпечности, было стравлено. Скотъ распоряжался тогда сложеннымъ у землянокъ сѣннымъ запасомъ самъ, безжалостно растеребивая рыхлыя скирды, а безтолковый хозяинъ въ неосновательной надеждѣ, что сѣна у него достанетъ, только сонно посматривалъ на хозяйничанье скота. Но когда киргизъ убѣждается, что сѣна не достанетъ, то вмѣсто всякой городьбы заваливаетъ остатки запаса снѣгомъ, а скотъ выгоняетъ на тебеневку и кормить его только во время бурановъ. Даже о водопоѣ для скота киргизы нисколько не заботятся и скотъ утоляетъ свою жажду или снѣгомъ, или же пьетъ изъ никогда нечищенной проруби, пробиваемой каждое утро проходящими за водой киргизками. По причинѣ такого небрежнаго ухода скотъ за зиму страшно худѣетъ и, если зима затянется, начинаетъ гибнуть отъ холода и голода. Особенно много погибло скота въ степи въ послѣдній „Куянь жуль“, т. е. годъ зайца, который почему то большею частію бываетъ голоднымъ и ожидается киргизами со страхомъ. Куянь жуль есть 4-й годъ въ двѣнадцати лѣтнемъ монгольскомъ юбилеѣ, каковыми киргизы ведутъ свое время счисленіе. Всѣ годы въ томъ юбилеѣ носятъ названіе какихъ нибудь животныхъ, на примѣръ 1-й — мышинный годъ, 2-й коровій (сыиръ жуль), 3-й годъ барса (жуль-барсъ), 4-й куянь жуль т. е. заячій годъ и т. д. и каждое изъ этихъ названій, конечно, повторяется согласно юбилейнаго числа черезъ двѣнадцать лѣтъ.

Но вотъ, длинная, холодная и голодная зима въ степи кончилась! Снѣгъ незамѣтно, и какъ-то вдругъ, сходитъ съ обширныхъ равнинъ. Рѣчки, почти пересохшія за лѣто и вы-

мерзшія зимою, сбрасываютъ съ себя ледяныя оковы, переполняются весенней водою^с и начинаютъ бурлить и бушевать, какъ внезапно и неожиданно разбогатѣвшій и потому зазнавшійся нищій, топятъ безпощадно неосторожный скоть и заливаютъ всѣ низменности. Но не долго длится это, какую нибудь недѣлю, много двѣ и грозныя за это время рѣчущи, растративъ свои силы, свое богатство — воду, превращаются снова въ бѣдныя водой, почти мѣстами пересохшіе ручейки. Степь за это время, вся покрывается роскошнымъ зеленымъ ковромъ, по которому весело бродить ожившій скоть. Всѣ овражки, всѣ ямки кишатъ жизнью. Обращенные половодьемъ на время въ крошечныя озерки, они даютъ пріютъ возвратившимся изъ теплыхъ краевъ безчисленнымъ стаямъ птицъ. Здѣсь же копошатся небольшія степныя черепахи и лягушки всѣхъ породъ и разнообразностей, задавая свои оглушительные нескладные концерты. Весеннее солнышко разбудило и заспавшихся за зиму киргизъ, выманило ихъ изъ полуразрушенныхъ, разопрѣвшихъ за зиму вонючихъ землянокъ на широкій просторъ, въ привольную зеленую степь. Съ радостію покидаютъ всѣ опротивѣвшія мрачныя и неуклюжія зимнія жилища и перебираются въ раскинутыя по обсохшимъ полянкамъ легкія и чистенькія кибитки. „Кійизъ уй“, т. е. войлочный домъ или кибитка, по наружному виду весьма похожъ на опрокинутую глубокою чашку, или еще ближе, на выдолбленную и опрокинутую половину арбуза. Всякая кибитка состоитъ изъ нѣсколькихъ, связанныхъ между собою волосяными веревками, небольшихъ звеньевъ складной деревянной рѣшетки въ сажень вышиною и поставленныхъ на землю по окружности большого, сажени въ 3—4 діаметромъ круга. Къ верхнему краю рѣшетки, на разстояніи полъаршина другъ отъ друга привязываются однимъ концомъ слегка изогнутыя, пальца въ два толщиною, палки, другой конецъ которыхъ втыкается въ края деревяннаго круга. Кругъ этотъ, тундукъ по киргизски, имѣетъ около сажени въ діаметрѣ и состоитъ изъ толстаго обода съ рѣшетчатымъ, выгнутымъ кверху, крестомъ по срединѣ и служить вершиною куполообразнаго остова кибитки. Рѣшетчатый остовъ этотъ отъ пола до тундука обтягивается сплошь кошмами,

преимущественно бѣлыми, привязываемыми за углы волосяными веревками, тундукъ же закрывается одною большою плотною кошмою, края которой, за привязанныя къ угламъ волосяныя веревки, могутъ по желанію отворачиваться съ любой стороны и тѣмъ давать доступъ свѣта въ кибитку въ желаемой степени и съ желаемой стороны. Черезъ открытый тундукъ выходитъ также изъ кибитки и дымъ, если въ ненастную погоду придется сварить кушанье въ кибиткѣ и слѣдовательно тундукъ замѣняетъ въ киргизской кибиткѣ и окна и печную трубу. Рѣшетчатая стѣны кибитки предъ завѣшиваніемъ ихъ кошмами предварительно обставиваются узорчатыми камышевыми, или изъ тонкихъ прутиковъ, циновками, напоминающими извѣстныя всѣмъ узорчатая лѣтнія камышевыя шторы. Каждая камышинка или прутикъ въ этихъ циновкахъ обвить разноцвѣтною шерстью, при чемъ обвивка рассчитана такъ, чтобы при тканьи изъ обвитыхъ камышинокъ и прутиковъ циновки получился красивый и правильный узоръ. Въ сильные жары кошмы на стѣнахъ поднимаются и циновки безпрепятственно пропускаютъ въ кибитку свѣжій воздухъ, защищая въ то же время отъ солнца и любопытныхъ взоровъ внутренность кибитки. Благодаря этому въ кибиткѣ даже и въ самые сильные жары всегда прохладно и нисколько не душно. Круглая рѣшетчатая стѣна кибитки въ одномъ мѣстѣ не сходится и здѣсь укрѣпляется небольшая, аршина въ $1\frac{1}{2}$, вышиною и въ аршинъ шириною деревянная рама съ створчатою въ ней дверью. На устройство двери обращается большое вниманіе и на украшеніе ея ничего не жалѣется, почему кибитки такъ и щеголяютъ одна предъ другою своими разукрашенными, рѣзными и ярко раскрашенными дверями, иногда сплошь состоящими изъ разноцвѣтной костяной инкрустаціи. Двери эти замковъ не имѣютъ и, при уходѣ хозяевъ или на ночь, просто завязываются или же сплошь завѣшиваются кускомъ кошмы, почему не только ночью, но и днемъ, безъ привычки не сразу найдешь входъ въ завѣшанную кибитку. Богатыя кибитки довольно просторны и имѣютъ до двухъ сажень вышины, да и бѣдныя не многимъ меньше. Земляной полъ, вѣрнѣе травяной коверъ, въ кибиткахъ застилается у богатыхъ кошмами

и поверхъ нихъ дорогими коврами, у бѣдныхъ же часто ни чѣмъ не застланъ, и только у стѣны, противъ двери, имѣется кусокъ кошмы или рваный ковришка. Мѣсто у стѣны противъ входа это красный уголъ кибитки, гостинная киргиза. Здѣсь вся стѣна аккуратно застнавливается сундуками въ расшитыхъ разными узорами войлочныхъ чехлахъ, аляповатыми, ярко раскрашенными рѣзными ящиками, свертками ковровъ и одѣялъ, подушками и прочимъ, что есть дорогого у киргиза. На полу же въ этомъ красномъ углу, поверхъ ковровъ, разостлано богатое одѣяло, на которое обязательно усаживается дорогой, или почетный гость. Остальная, незаставленная сундуками, часть стѣны въ кибиткѣ увѣшана сбруей, сѣдлами, халатами, турсуками и проч., а уголъ по правую сторону двери занимаетъ обыкновенно саба для кумыза. Около нея громоздятся котлы, большія деревянныя чашки для мяса, чашечки для кумыза и айрана, рѣзные деревянные жбаны, кунганы, тазы и проч. Здѣсь же красуется никогда нечищенный самоваръ, а впереди всего этого домашняго скарба, ближе къ почетному мѣсту, стоитъ, иногда подъ пологомъ или занавѣской, низенькая, съ выгнутыми спинками, рѣзная, ярко раскрашенная деревянная кровать, или же за отсутствіемъ ея одно низенькое крутое рѣзное изголовье. Это спальня хозяйки. Остальные же домашніе спятъ въ повалку по всей кибиткѣ прямо на коврахъ или кошмахъ, а то и просто на травѣ, подославши подъ себя халатъ. Въ ясную погоду кушанье готовится подъ открытомъ небомъ, въ дождливое же время таганъ съ котломъ ставится посреди кибитки подъ пріоткрытымъ тундукомъ. На это время, если кибитка была вся сплошь застлана кошмами, кошмы убираются и остается нетронутымъ только одно почетное мѣсто.

Въ жаркое время кибитка пріятное убѣжище. Въ ней и прохладно и воздухъ чистый и какъ-то вольно, свободно. Но въ холодъ и въ дождь, кибитка не особенно уютна, въ особенностяхъ, если кошмы стары, протекаютъ и не задерживаютъ вѣтра. Но киргизы мирятся съ этими неудобствами, да пожалуй и мало замѣчаютъ ихъ, такъ какъ лучшаго и болѣе удобнаго жилья для кочевой жизни невозможно и придумать. Самая большая и бо-

гатая кибитка разбирается или собирается двумя — тремя женщинами въ какіе нибудь два часа, а то и въ часть и перевозится съ мѣста на мѣсто на одной или двухъ арбахъ, а иногда и на одномъ верблюдѣ. Стоимость большой богатой кибитки отъ 300 до 500 рублей, небольшая же и изъ сѣрыхъ кошемъ кибитка обходится около ста рублей. Но есть въ степи и такіе бѣдняки, которые не въ состояніи пріобрѣсти даже и самой маленькой изъ дырявыхъ кошемъ кибитки и потому по лѣтамъ вынуждены проживать въ скверныхъ „жюламейкахъ“, т. е. небольшихъ, въ сажень въ діаметрѣ и сажени въ полторы вышиною, шалахахъ, покрытыхъ дырявыми кошмами, а иногда даже и рогожами.

Весною кочевникъ можетъ ставить свой кійизъ уй вездѣ, гдѣ ему заблагоразсудится, гдѣ болѣе понравится, и сидитъ на облюбованномъ мѣстѣ сколько ему вздумается, сколько пожелается и только приближеніе сѣнокоса обязываетъ всѣхъ, дабы зря не травить луговъ, прикочевывать въ одно опредѣленное мѣсто. Затѣмъ во все лѣто еще раза три или четыре, побуждаемые разными причинами, мѣняють они свои становища. При этомъ всѣ эти перекочевки дѣлаются всегда вблизи зимовокъ, самое большее верстахъ въ шести, семи и только немногіе аулы откочевываютъ отъ зимовокъ иногда верстъ за тридцать, къ чему вынуждаются тѣмъ, что земли ихъ ауловъ почему либо стѣснены землями сосѣднихъ ауловъ и тянутся узкой полосой на многія версты.

И. Х.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПРАВОСЛАВНЫЙ БЛАГОВѢСТНИКЪ.

Иѣдше научите всѣ ѡзыки, крѣща
ихъ во имя Оца и Сѣна и Сѣаго Дѣа.
Матѣ. XXVIII, 19.

ИЗДАНИЕ

ПРАВОСЛАВНАГО МИССИОНЕРСКАГО ОБЩЕСТВА, состоящаго подѣ АВГУСТѢЙШИМЪ
ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ
ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ѢЕОДОРОВНЫ.

1904.

Годъ двѣнадцатый.

ТОМЪ II.

№ 12.

І Ю Н Ъ.

КНИЖКА ВТОРАЯ.

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ
ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКИЙ ПЕР., СОВ. Д.

1904

0 Киргизахъ Тургайской области¹⁾.

(Изъ воспоминаній учителя Киргизской школы).

Торжественный праздникъ Курбанъ Байрамъ, если приходится лѣтомъ, тѣже собираетъ весь разбредшійся аулъ вмѣстѣ. Лучшее и удобнѣйшее мѣсто на земляхъ аула покрывается сотнями кибитокъ. Всѣ киргизы на это достопамятное время всеобщаго обжорства неожиданно превращаются въ ревностныхъ послѣдователей забытаго за годъ пророка, усердно упражняются въ омовеніяхъ и намазахъ, а въ день Курбана, не успѣвъ солнце въ дерево подняться, переполняютъ всѣ мечети. Ученые и благочестивые муллы не томятъ усердныхъ богомольцевъ продолжительнымъ моленіемъ: не успѣютъ остыть подушки на сѣдлахъ приѣзжихъ, какъ имъ приходится уже обратно скакать по домамъ, и опять, на цѣлый годъ, позабыть дорогу въ мечеть. Каждый домохозяинъ колетъ въ этотъ великій день барана, а то и быка или верблюда, такъ что мяса у всѣхъ, даже у бѣдныхъ, получающихъ его ради праздника отъ щедрыхъ богачей, вдоволь.

Толпами ходятъ изъ кибитки въ кибитку разряженные въ новые халаты гости и объѣдаются мясомъ до одури. Заѣзжіе въ эти дни гость, особенно если онъ лицо важное, будетъ обязательно приглашенъ въ каждую кибитку и долженъ побывать у всѣхъ, и воздать честь щедро предлагаемому угощенію. Одному моему знакомому, простоватому старшинѣ, попавшему случайно въ день Курбана въ чужой аулъ, пришлось во время обхода многочисленныхъ кибитокъ не разъ опоражнивать свой желудокъ

¹⁾ Окончаніе. См. „Правосл. Благов.“ № 11, стр. 126—131.

рвотою, чрезъ щекотаніе горла пальцемъ, чтобы быть способнымъ не отказываться отъ угощенія и тѣмъ не огорчить радужныхъ хозяевъ.

Разряженные въ яркіе зеленые и красные бешметы и въ украшенныя золотомъ собольи шапки, молодыя дѣвушки тѣсною толпою, съ уныло дикимъ пѣніемъ, тоже расхаживаютъ по кибиткамъ. Богатыя молодухи, въ эти дни всеобщаго ликованія, франтятъ въ своихъ странныхъ головныхъ уборахъ, въ такъ называемыхъ „сау келе“. Это конусообразныя, ввидѣ сахарной головы и съ сахарную голову величиною, бархатныя или шелковыя, малиноваго цвѣта, шапки, богато украшенныя мишурой, позументами, серебряными и золотыми монетами и бляхами, кораллами и жемчугомъ и прочими драгоценностями. Отъ множества украшеній шапки эти нерѣдко достигаютъ до 20 фунт. вѣса и, конечно, не всякая франтиха можетъ пребыть въ такомъ уборѣ продолжительное время. Къ заднему краю „сау келе“ пришивается клинообразный узорчатый шелковый платокъ - фата, спускающійся до земли. Имъ стыдливая молодуха можетъ закрыть не только свое лицо, но и закутаться вся.

Празднуется Курбанъ дня три — четыре, иногда же и съ недѣлю, причемъ со второго дня начинаютъ устраиваться по ауламъ борьба и скачки. Для киргизъ, какъ страстныхъ любителей лошадей и природныхъ наѣздниковъ, скачка является самымъ великимъ торжествомъ. Ни одинъ праздникъ, ни одна свадьба, ни одинъ „туй“, т. е. пиръ не обходятся безъ скачки. О скачкахъ съ увлеченіемъ толкуютъ и старъ и младъ. Каждый джигитъ только о томъ и мечтаетъ, какъ бы раздобыть себѣ непобѣдимаго на скачкахъ скакуна и прославиться чрезъ него въ степи. О знаменитыхъ скакунахъ и ихъ владѣльцахъ слава идетъ по всей степи. Про нихъ рассказываютъ разныя, порой невѣроятныя, исторіи, слагаются пѣсни... Счастливые владѣльцы скакуновъ начинаютъ готовить, тренировать ихъ, еще за долго до ожидаемой скачки. Тратятся на покупку овса, оставляютъ всѣ свои дѣла и занимаются только своими скакунами, только о нихъ и заботятся. И все это дѣлается совсѣмъ не изъ корыстныхъ расчетовъ, не изъ желанія заработать богатый

призъ, весьма при томъ рѣдкій въ степи. Часто дорогіе скакуны заганиваются за какой нибудь трехрублевый халатъ, а то и за грошевый ситцевый платокъ. Къ тому же заслуженнымъ призомъ побѣдитель въ большинствѣ случаевъ совсѣмъ и не пользуется: изъ вѣжливости и почтенія къ старшимъ, а также считая призъ даромъ Божиимъ, побѣдитель немедленно по полученіи съ молитвою передаетъ его одному, изъ наиболѣе уважаемыхъ, присутствующему на скачкахъ аксакалу. Дѣло тутъ не въ корысти, а въ чести и въ славѣ.

Въ день скачки тысячи народа, коннаго и пѣшаго, собираются на условленное, удобное для скачки мѣсто. Старцы усаживаются на траву въ полукругъ, а конная и пѣшая молодежь толпится позади. Женщины же и дѣвушки, ввиду присутствія на скачкахъ мулъ, стоятъ поодаль.

Сначала публику занимаютъ борцы. Полураздѣтые молодцы схватываютъ другъ друга за кушаки и долго, какъ пѣтухи передъ боемъ, топчутся на одномъ мѣстѣ, выжидая благоприятное для себя мгновеніе оплошности противника. Внезапно и неожиданно они вдругъ схватываются и чрезъ мгновеніе менѣе ловкій летитъ черезъ голову побѣдителя на землю. Поднимается невообразимый гамъ, раздаются единодушныя похвалы побѣдителю—батырю и обидныя, шутливыя насмѣшки надъ побѣжденнымъ. Побѣдитель получаетъ какой нибудь копѣечный платокъ, объявляя имъ голову и гордо расхаживаетъ по кругу, вызывая новыхъ охотниковъ на состязаніе съ собою. Побѣдившій за одну борьбу не менѣе трехъ противниковъ слыветъ за силача, „батыря“. Нерѣдко борьба эта кончается и увѣчемъ борющихся, вывихами, а иногда и переломами рукъ и ногъ, растяженіемъ жилъ и проч. Но всетаки, изъ года въ годъ, цѣлыя вѣка, находится много желающихъ потрудиться на Курбанѣ во славу пророка, показать свою силу и ловкость предъ многочисленнымъ праздничнымъ собраніемъ.

Но вотъ прибыли и скакуны. Всѣ бросаются къ нимъ и, послѣ долгихъ споровъ и крика, условливаются, откуда начинать и какъ вести скачку. Выбираются судьи, которымъ и вручаются собранные призы, и затѣмъ скакуны съ малолѣтними и легко-

вѣсными наѣздниками потихоньку, шажкомъ, отправляются къ назначенному для начала скачки пункту. Иногда скачка происходитъ верстъ на шесть, и во всякомъ случаѣ не менѣе трехъ верстъ. При богатыхъ же призахъ скачки иногда устраиваются верстъ на 30 и болѣе, отчего, нерѣдко, половина дорогихъ скакуновъ издыхаетъ на полдорогѣ или у призоваго столба. Когда наѣзтники отправлены, публика начинаетъ волноваться и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ результата начавшейся скачки. Напряжение съ каждой минутой растетъ. Всѣ вскакиваютъ съ мѣстъ, нѣкоторые садятся на лошадей, другіе становятся на телѣги, вытягиваютъ шеи, напрягаютъ все свое вниманіе, боятъ, чтобы чего не просмотрѣть.

Но, вотъ, послышался радостный, хотя и сдавленный, дрожавшій отъ нетерпѣнія и напряженія, крикъ „Атъ Шагады“, т. е. лошади идутъ. Это кто нибудь, изъ наиболѣе зоркихъ, верстъ за пять разглядѣлъ, что наѣзтники уже приближаются. Нетерпѣніе достигаетъ зысшаго предѣла. Все позабывается и всѣ только и живутъ мелькающими вдали точками—всадниками. Чрезъ минуту уже ясно видно, какъ несутся наѣзтники, растянувшись чуть ли не на полверсты и только лошади три скачутъ почти рядомъ. Нагайки такъ и мелькаютъ въ воздухѣ и бѣдные скакуны, приобрѣтая славу своимъ хозяевамъ, получаютъ жестокое и не заслуженное поощреніе своему таланту. Публика начинаетъ положительно бѣсноваться: визжать, кричать, машутъ руками, топаютъ ногами... Нетерпѣливѣйшіе схватываются съ мѣстъ, скачутъ на встрѣчу наѣзникамъ и, сравнявшись съ ними, съ гикомъ и визгомъ скачутъ вмѣстѣ, подбодряя измученныхъ, задыхающихся скакуновъ своими тяжеловѣсными нагайками. Нѣкоторые схватываютъ отстающихъ скакуновъ за узду, за стремяна и положительно тащутъ за собою...

Но, вотъ, цѣль достигнута. На цѣлую голову опередилъ своихъ соперниковъ отнынѣ знаменитый скакунъ и тѣмъ на долго прославилъ своего владѣльца! Бѣдныхъ, взмыленныхъ и вконецъ измученныхъ коней передаютъ мальчикамъ для вывода, а незаслуженные герои, ихъ владѣльцы, торжественно получаютъ изъ рукъ судей призовые халаты и бешметы и тотчасъ же да-

рять ихъ, по степному обычаю, почтеннѣйшимъ аксакаламъ. Затѣмъ, окруженные толпою вновь приобрѣтенныхъ почитателей, курбанные герои, съ торжествомъ, возвращаются въ аулъ. Тамъ, въ ознаменованіе радостнаго дня великой своей побѣды, рѣжутся бараны и задаются пиры для свидѣтелей ихъ славы.

Бѣдный же, необыкновенный, знаменитый и благородный скакунъ, приобрѣтя хозяину честь и славу, нерѣдко, вскорѣ послѣ своей славной побѣды надъ своими собратьями, начинаетъ болѣть ногами, начинаетъ хирѣть и скоро превращается въ обыкновенную, а то и убогую, больную клячу. Въ концѣ концовъ, въ одинъ безславный для себя день, бѣдный конь обрекается неблагоприятнымъ своимъ хозяиномъ на закланіе и отправляется въ ненасытные желудки своихъ недавнихъ почитателей, если только не издохнетъ раньше.

И. Х.

Миссія Методистовъ въ Корей¹⁾.

Сеульскій округъ.

Я, пишуъ Rev. Моозе, приношу смиренную благодарность Господу за истекшій годъ. Когда еп. Вильсонъ назначилъ меня завѣдывать Сеульскимъ округомъ, то я чувствовалъ, что не въ состояніи буду стоять на высотѣ призванія. Оглядываясь на минувшій годъ, я нахожу, что успѣхи могли бы быть лучшими, если бы дѣло находилось въ болѣе опытныхъ рукахъ. Но все же я долженъ благодарить Бога и молиться за болѣе успешное будущее.

Въ округѣ вездѣ замѣчается ростъ церквей.

Въ Моонъ-санъ-по число членовъ увеличилось и часовня приведена въ лучшій видъ. Въ Ионгъ-Четонъ количество молящихся превысило размѣры часовни и вотъ жители по своей инициативѣ построили болѣе обширную и лучшую. Въ обоихъ случаяхъ туземные христіане обошлись безъ помощи иностранцевъ.

¹⁾ Продолженіе. См. „Правосл. Благов.“ № 11, стр. 132—138.